

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева
2017г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЖУРНАЛ «СИБИРСКИЕ ОГНИ» В ЗЕРКАЛЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА (НОВЕЙШИЙ
ПЕРИОД)**

45.04.01 Филология
45.04.01.02 Русская литература

Магистрант

У.А. Анохина

Научный руководитель

д-р филол.наук, проф.

К.В. Анисимов

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. АНТИТЕЗА ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ В РУССКОМ (ГЕО)КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI ВВ.	14
1.1. Сибирь в перспективе семиотического конструирования пространства.....	14
1.2. Функции «локального» журнала в современном литературном процессе.....	22
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	26
ГЛАВА 2. «СИБИРСКИЕ ОГНИ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ РЕГИОНАЛИЗМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА В XX ВВ.	28
2.1. Отголоски сибирского областничества XIX в. на страницах журнала «Сибирские огни»	28
2.2. Самопрезентация журнала «Сибирские огни»: между центром и периферией.....	34
2.3. Рефлексия истории как утверждение в современности: прошлое журнала на страницах «Сибирских огней» в 2000-х.....	40
2.4. Реалии Востока России на страницах журнала «Сибирские огни» в новейший период.....	51
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	82
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	85
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	89

ВВЕДЕНИЕ

Магистерская диссертация посвящена исследованию региональной компоненты в «толстом» литературном журнале «Сибирские огни» в новейший период – в 2000-е годы.

Как отмечал в свое время В.Б. Шкловский, «журнал может существовать теперь только как своеобразная литературная форма. Он должен держаться не только интересом отдельных частей, а интересом их связи» [Шкловский, 2003: 220]. В этой связи нами предпринята попытка рассмотреть «Сибирские огни» как системный свод текстов, объединенных единой концепцией, отражающей позиционирование самого журнала, а также его связь с развитием региональной литературы. В диссертационном исследовании нами предпринята попытка реконструировать и описать стратегии, связывающие журнальные нарративы «Сибирских огней» в целое.

Г.В. Зыкова пишет о том, что журнал в наше время может быть рассмотрен как отдельная самостоятельная единица литературного процесса: «Внутри журнального номера тексты разных жанров образуют некий общий контекст для читателя, в идеале номер <...> может быть выстроен как своего рода смысловое целое» [Зыкова, 2003: 54]. Концепция автора была положена нами в основу исследовательской части научной работы.

С самого начала своего создания «Сибирские огни» были тесно связаны с культурными, историческими и политическими процессами исторического периода 1920-х гг. и потому всегда отражали магистральные тенденции времени. Будучи слагаемым эпохального советского проекта, который реализовывался на территории послереволюционной Сибири, «Сибирские огни» подталкивают современного исследователя к тому, чтобы рассматривать журнал не просто как набор прозаических, поэтических, публицистических и литературно-критических текстов, но и как цельный текст, как литературный факт эпохи.

В ходе исследования мы опирались на ряд новых исследований, посвященных журналу «Сибирские огни». Это статья А.И. Разуваловой

«Взгляните на Сибирь!»: Трансформация регионализма в советской литературе (на материале журнала «Сибирские огни», 1920-е – середина 1950-х г.)» [Разувалова, 2015] и статья Т.П. Шастиной «Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской окраины». [Шастина, 2014].

В качестве методологической основы исследования мы взяли подход, продемонстрированный Е.В. Капинос в работе «Литература» и «факт» в Новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930). Главная особенность этого подхода заключается в стремлении проанализировать разнородный массив журнальных материалов как сложное целое, сумму своего рода концептуальных «высказываний», сделанных в пределах единой стратегии. В ходе исследования журнала «Настоящее» автор отказалась от логики воссоздания истории журнала или анализа произведений и судеб авторов и обратилась к изучению журнала «в качестве единого текста, скрепленного от номера к номеру, от материала к материалу сквозными темами, мотивами, так же как и методом подачи информации» [Капинос, 2016: 165]. Именно этот подход, соотносящийся с цикловедческими исследованиями в литературоведении [Дарвин, 2001: 281], мы положили в основу метода нашей работы.

Фундаментальной концепцией издания во все времена было стремление соответствовать своему названию. Желание, подобно огню, осветить путь всей новой сибирской литературе, а где-то даже и создавать ее с нуля – из «искры» «разжечь костер сибирской литературы» – определило издательскую стратегию и объединило материалы издания в единое целое и в какой-то момент сделало журнал символом целой эпохи, которая не прошла бесследно для издания и оказала значительное влияние на его развитие на современном этапе, уже в 2000-е гг.

Данная магистерская диссертация посвящена изучению журнала «Сибирские огни» 2000-х годов – первого крупного толстого литературного издания в Сибири, которое создавалось и развивалось параллельно с

утверждением и становлением в России советской власти. Советский проект оказал определяющее влияние на политику, состав редакции и главное – идеологическую направленность журнала. Но основное, что объединяет данное литературное издание с историческим контекстом, – это попытка создать некое новое социальное явление с нуля: в случае с советским проектом – это политическая система в принципе. В продолжение этой общей стратегии журнал ставил своей целью создание литературы Сибири «с нуля» (или как минимум успешное завершение поисков, начатых в этом направлении еще областниками XIX в., – в полемике с ними и в отталкивании от их наследия).

История «Сибирских огней» свидетельствует о неординарности этого журнала в контексте развития региональной литературы и в том числе в истории сибирской журналистики. В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть «Сибирские огни» как организованную структуру, единый текст.

Целью нашего исследования является рассмотрение «толстого» литературного журнал «Сибирские огни» не просто как периодического издания, распадающегося на отдельные выпуски, посвященные насущной повестке дня, а как развитие целостного замысла, сообщенного журналу в момент его создания. Фокус нашего исследования обращен на взаимосвязь данного издания с регионально-культурной составляющей, с развитием и историей сибирского макрорегиона, а также на то, как именно позиционирует себя сегодня этот, можно сказать, старейший из сохранившихся до нашего времени сибирский журнал.

Сформулированная цель подразумевает решение следующих **конкретных задач**:

1. Исследовать исторический контекст образования «Сибирских огней» и его трансформацию в XX столетии;
2. Выделить обусловленные историко-культурным прошлым журнала установки, содержащиеся в современных публицистических статьях;

3. Изучить структуру и редакционную политику «Сибирских огней» на современном этапе развития журнала;
4. Обнаружить метатекстовые аспекты и описать самопрезентационные установки журнала;
5. Выявить круг связанных с региональным самосознанием лейтмотивов, пронизывающих разные тексты журнала «Сибирские огни»;
6. Отдельно проанализировать наиболее репрезентативные в избранном аспекте тексты издания.

Актуальность научной работы заключается в ее включенности в современную научную повестку. Инструментальный аспект реализованной в магистерской диссертации исследовательской стратегии связан с изучением цикла и циклизации, ансамблевости разрозненных (на первый взгляд) словесно-литературных целостностей. В более широком историко-социальном смысле данная научная работа соотносится с изучением региональных ментальностей, варьирующих те или иные параметры общенациональной культуры, создающих ее локальные «очаги».

Новизна исследования определяется тем, что в работе впервые предпринята попытка системного описания толстого литературного журнала «Сибирские огни» 2000-х гг. в нарративном, и историко-типологическом аспектах. Журнал понимается нами как феномен эпохального самосознания и в то же время динамически развивающаяся эстетическая система, дошедшая до наших дней. Данное исследование посвящено изучению и описанию журнала «Сибирские огни» как единого текста и динамичной творческой системы, вобравших в себя эстетику и проблематику нескольких эпох – от 1920-х гг. до актуальной современности. На всем протяжении работы мы стремились изучать журнал «Сибирские огни» как определенный тип периодического издания своего времени, а также анализировать его программные установки.

Материалом данного исследования стали публицистические и литературно-критические тексты журнала «Сибирские огни» с 2000 по 2017 гг.

Отбор материала обусловлен репрезентативностью данных текстов как наиболее полно демонстрирующих особенности современной эпохи.

Избранные нами тексты репрезентативны, так как отражают позицию журнала, а также помогают проследить освещение в нем региональных тем, аспектов, увидеть отношение к сибирской и центральной литературе. Изучение географической принадлежности авторов статей позволяет нам судить о широте географии и редакционной политике издания. На примере данных текстов мы сможем сделать вывод о современном позиционировании «Сибирских огней» среди остальных региональных сибирских «толстых» литературных журналов.

Для нашего исследования актуальными оказались ряд концепций представителей неоклассической герменевтики – Ханса Георга Гадамера [Гадамер, 1991] и Вильгельма Дильтея [Дильтей, 2001]. В научной работе мы основывались на теориях этих авторов в ходе контент-анализа журнала, а также при интерпретации критических и публицистических статей.

Особенно значимым для нашего исследования является теория Дильтея и его понятие «самопонимания» каждой личности как участника исторического процесса. По Дильтею, о прошлом мы узнаем из законов, литературы того времени, философских течений, научных исследований и много другого. Однако без понимания всей совокупности факторов – то есть без изучения «коллективной души» – нельзя выносить суждение о духе того времени, а следовательно, изучать литературу какой-либо эпохи в отрыве от этого целого.

В своем исследовании мы проанализируем понятие региональной идентичности как феномена, складывающегося из целого ряда факторов, в поисках которого не следует ограничиваться только литературой, но можно проследить его наличие в разных сферах жизни: моде, кино, искусстве,

географических и социальных особенностях, чтобы затем вернуться к литературе по принципу герменевтического круга.

Следуя теории Ханса Георга Гадамера, мы предположим, что перед тем, как прочесть текст, у каждого критика, в данном случае представителя Сибири и носителя определенной ментальности и особого отношения к центру, есть своя гипотеза об этом тексте, предрассудок, изначально сформированный каждым. В нашей научной работе мы используем категорию «понимания», в которую Гадамер вложил диалогический смысл. Понимание как вопрошание, а произведение как ответ на ряд вопросов, присутствующих в сознании каждого читателя.

Критик, оценивающий произведение словно «изнутри» Сибири, еще на этапе прочтения задает тексту вопросы, актуальные в конкретной ситуации его (критика и потенциального местного читателя) территориальной отдаленности. В конечном счете, в виде рецензии мы получаем некий «сибирский критический текст», который является ответом на целый ряд важных для критика вопросов. Реконструкция этих вопросов и является частью нашего исследования и служит цели проанализировать региональную составляющую в критических статьях «толстого» литературного журнала «Сибирские огни». В результате мы получим образец самопонимания как ядра культурной идентификации представителя Сибири, автора критических текстов. Реконструированные вопросы отразят целый ряд актуальных проблем, которые поставил перед собой автор, его систему ценностей, отношение к столичной культуре и много другое, что относится к региональному «участку» общенационального культурного пространства. Гадамер считал, что правильно сформулированный вопрос открывает возможности успешной интерпретации. Наше исследование ориентировано в том числе и на экспликацию такого вопроса.

Первая глава «Антитеза центр-периферия в русском (гео)культурном пространстве конца XX – начала XXI вв.» посвящена исследованию исторического контекста взаимодействия Центра и периферии, а также тому,

как эта взаимосвязь оценивается современными исследователями. В культурологии сложилась устойчивая традиция использовать пару «центр-периферия» как устоявшуюся дихотомию. Феномен провинции понимается рядом исследователей как негативный / обратный образ центра. Провинциальная культура – внутреннее пространство, идентификация которого происходит лишь после вскрытия духовных, нравственных, экономических и прочих взаимосвязей с «центром» [Дахин, Распопов, 2000]. Е.Ю. Агеева пишет: «Провинция вечна и неистребима, но как самостоятельное и достойное самого пристального внимания явления она существует лишь постольку, поскольку существует столица, которая <...> всегда задает тон, являясь инициатором всех перемен, всех глубинных процессов» [Агеева, 1999: 26]. Н.В. Серебренников высказывает схожую мысль: «Столица есть гарант какого б то ни было существования провинции – экономического, социального, культурного» [Серебренников, 2000: 57]. Таким образом, непременным условием существования периферии, по словам авторов, является центр, и в этой дихотомической оси одно понятие существует постольку, поскольку есть другое.

Одновременно существует иная концепция центра-периферии – ценностно-семиотическая (работы Ю.М. Лотмана, В.Л. Каганского, Н.М. Индюшкина и др.). В этой методологической перспективе случае провинция определяется преимущественно в смысловых и качественных категориях, нежели во властно-универсализующих (как центр) или отличительных (как периферия). На первом месте стоит идея провинции как некоего внутреннего пространства, которое, по мнению Ю.М. Лотмана [Лотман, 1996], в восприятии отдельной личности может вставать на позиции центра безотносительно к иерархии.

Методологическим обоснованием первой главы послужили работы Ю.М. Лотмана [Лотман, 1996], Б.А. Успенского [Успенский, 1994], В.Н. Топорова [Топоров, 1983]. Семиотике пространства посвящены работы Ю.М. Лотмана [Лотман, 1996] и Б.А. Успенского [Успенский, 1994]. При

описании принципа форсированной модернизации мы опирались на статью А.М. Панченко и Б.А. Успенского «Иван Грозный и Петр Великий: концепции первого монарха» [Панченко, Успенский: 1983].

Проблеме взаимоотношения Центра и периферии посвящены работы следующих исследователей Н.В. Серебренников [Серебренников, 2002], Л. Гудков [Гудков, 1998], В.В. Абашев [Абашев, 2000]. Также стоит упомянуть сборник статей «Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты». [Зайонц, 2004]. В сборнике рассмотрена проблема провинции и предложены современные исследования, отражающие тему взаимоотношения провинции и Центра.

Среди исследователей Сибири и «сибирского текста» значимыми для нашего исследования оказались работы К.В. Анисимова [Анисимов, 2010], А.И. Разуваловой [Разувалова, 2015], Б. Чмыхало [Чмыхало, 1987], М.К. Азадовского [Азадовский, 1928] и А.О. Бороноева [Бороноев, 2002].

Вторая глава «“Сибирские огни”: трансформация идей регионализма на страницах журнала в XX-XXI веке» содержит четыре параграфа. Первый из них посвящен описанию функций «локального» журнала в современном литературном процессе. «Толстые» литературные журналы сохранили за собой ряд функций из прошлого, актуальных и сегодня: они являются профессиональными литературным изданиями и обладают достаточным авторитетом, чтобы влиять на литературное сообщество и формировать местный литературного канон – круг локальных классиков в лице тех, кто был избран в качестве авторов печатного издания. Здесь также описывается такая функция «толстого» журнала как формирование литературного потока в ходе отбора из общей массы того, что соответствует представлениям о норме художественной литературы, и как результат – воспитание вкусов современного читателя. Делается вывод о том, что литературный журнал и сегодня является культурным ретранслятором – как вовне, так и внутри профессионального сообщества, в том числе и при поддержании культурных связей между столицей и провинцией.

Во втором параграфе нами предпринят анализ самопрезентационных текстов в журнале «Сибирские огни». «Сибирские огни» – провинциальный «толстый» литературно-критический журнал. Его особенная самоидентичность может быть выявлена при изучении признаков позиционирования издания в рамках дихотомии «центр – периферия». Материалом нашего исследования стали презентационные тексты журнала, размещенные на официальном сайте (статья А. Горшенина «О журнале “Сибирские огни”», обращение редактора, текст «От редакции»). Жанр этих текстов предполагает присутствие программных/манифестационных установок.

Журнал «Сибирские огни» впервые стал известен читателю 22 марта 1922 г., когда на базе отдела государственного издательства Сибгосиздат вышел в свет первый номер. Журнал создавался во многом под влиянием революционных настроений, и редакция ставила своей целью освещать «своеобразное отражение в Сибири» революции [Щукин, 2013]. Таким образом, акцент делался на специфике сибирского восприятия/оценки событий. Такая самоидентификация (мы – сибирский журнал) проявляется в историческом обзоре «жизни» издания А. Горшенина: «В журнальных статьях, рецензиях, разных других литературно-критических материалах можно было найти отклики на все наиболее существенные события *литературной жизни Сибири* (здесь и далее выделено нами – У.А.)» [Горшенин, 1997].

Третий параграф «Рефлексия истории как утверждение в современности: прошлое журнала на страницах «Сибирских огней» в 2000-х гг.» посвящен анализу публицистических и литературно-критических статей журнала «Сибирские огни» за 2000–2017 гг. Здесь мы попытались обнаружить и изучить связи между разными публикациями в этот период жизни издания. В постсоветский период журнал претерпел значительные изменения и находился в тяжелой экономической ситуации. Об этом свидетельствует изменившийся тираж издания: если в 1975–1987 годы он

достигал 125 тыс. экземпляров, то сегодня он снизился до 1500 экземпляров. Стоит отметить, что журнал едва не прекратил своё существование 90-е годы, однако с 1998 г. «Сибирские огни» издаются в прежнем режиме. В 2016 г. периодичность выпусков журнала составила 12 номеров в год.

Четвертый параграф посвящен исследованию того, как реалии Востока России отражены на страницах журнала «Сибирские огни». Исследование «сибирского текста» и региональной составляющей современных литературных журналов является одним из перспективных и не до конца разработанных направлений.

Работа состоит из введения, двух глав и заключения.

Теоретическое значение исследования связано с применением понятия «единый текст» к журналу «Сибирские огни» как феномену региональной словесности и журналистики.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее основных положений и полученных результатов при подготовке лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров по истории общерусской и сибирской журналистики, литературной критики в новейший период и литературы Сибири XX-XXI вв., а также в практике издательского дела и редактирования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Журнал «Сибирские огни» представляет собой проблемно-эстетическое единство, связанное с определенной издательской стратегией, обусловленными исходным замыслом журнала.

2. Историческое прошлое издания оказало влияние на современное развитие журнала, что нашло отражение в тематике, ретроспективной направленности, известной идеологической консервативности современных текстов.

3. В основе организации журнала «Сибирские огни» как целостного конструкта лежит общая направленность проблемно-тематических текстов, а

также обусловленная целостностью концепции единая тональность литературно-критических статей.

4. Журнал «Сибирские огни» является целостным общественным явлением, «формой времени» и дневником целой эпохи в жизни образованной Сибири. Сегодня можно сказать, что журнал постепенно перешел на новые культурные рельсы, смог адаптироваться к изменившейся повестке и занять свою нишу в современных условиях.

Выбранная нами тема является перспективной. Изучение региональной специфики можно продолжить на примере других провинциальных журналов.

ГЛАВА 1. АНТИТЕЗА ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ В РУССКОМ (ГЕО)КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI ВВ.

1.1. Сибирь в перспективе семиотического конструирования пространства

В современном русском языковом поле за понятиями «провинции» и «периферии» закрепился смысл культурной вторичности. Сегодня это проявляется, как замечает Л. Гудков, в «неотрадиционализме» современной провинции, который означает сопротивление модернизации. Автор пишет о том, что единственным способом удержания целостности исторического и политического мышления в России является традиционализм, а «сохранение целого возможно лишь путем систематической “провинциализации” политической и культурной жизни – подтягиванию в центр провинциалов по своему типу сознания и действия, воспроизводящих стадиально более ранние культурные образы и тем самым ограничивающих смысловое поле» [Гудков, 1998: 370]. Отметим, что под провинцией в данном случае Л. Гудков понимает все, что находится за пределами пространства Москвы.

Таким образом, в этом исторически заданном процессе не происходит выработки «новых механизмов интеграции и адаптации символического, культурного и идеологического разнообразия», скорее наоборот – «ограничение и поражение центральных символических структур, ответственных за инновацию и ценностную универсализацию», отмечает автор» [Гудков, 1998: 371]. С этой точкой зрения можно поспорить, но в целом она отражает тенденцию «подтягивания в центр», пик развития которой в России пришелся на 90-е гг., в период максимальной общественной патологии. Подобную проблему «центростремительности» отмечали и представители сибирского областничества, которые стремились

сменить этот вектор движения и создать все условия для сохранения творческих и интеллигентских сил внутри Сибири.

Существует целый ряд исследований, которые базируются на утверждении о том, что сама по себе провинциальная культура – пространство внутреннее, идентификация его происходит лишь после вскрытия духовных, нравственных, экономических и прочих взаимосвязей с её «центром» [Дахин, Распопов, 2000: 130]. Е.Ю. Агеева пишет: «Провинция вечна и неистребима, но как самостоятельное и достойное самого пристального внимания явления она существует лишь постольку, поскольку существует столица, которая <...> всегда задает тон, являясь инициатором всех перемен, всех глубинных процессов» [Агеева, 1999: 27]. Н.В. Серебренников в работе «Проблемы и перспективы провинциальной литературы» также отмечает: «Столица есть гарант какого бы то ни было существования провинции – экономического, социального, культурного» [Серебренников, 2002: 67]. Таким образом, непременным условием существования периферии, по словам авторов, является центр, и в этой дихотомической оси одно понятие существует постольку поскольку есть другое.

Писатель Алексей Иванов в своем интервью журналу «Эксперт Урал», напротив, подчеркивает важную роль региональных акцентов на фоне процессов «политически-административной, экономической, культурной сверхцентрализации» в России: «В стране идет процесс внутренней колонизации, когда Москва – метрополия, а регионы – колонии. В культуре это приводит к двум взаимообусловленным процессам. С одной стороны – «москвоцентричность». <...> Москва как столица должна через себя транслировать на всю страну отдельные регионы, но Москва транслирует только себя» [Иванов, 2006: 4]. С другой стороны, процессу «москвоцентричности» противостоит, как пишет автор, местное краеведение – явление, при котором «краеведы замыкаются на своих маленьких темах и не видят взаимосвязи с общим порядком жизни. В общем, как и Москва, они

рассказывают только о себе» [Иванов, 2006: 4]. Из слов писателя следует, что «москвоцентричность» и «краеведение» – две стороны одной медали колонизаторства. Однако он замечает: «Подлинная регионалистика противостоит и “москвоцентричности”, и “краеведению”. Академик Лихачев говорил, что “русское” – это не качество, а акцент. <...> Есть русская жизнь, а идентичности – просто ее региональные версии» [Иванов, 2006: 5].

Чтобы обнаружить исторические предпосылки столь устоявшегося в культурной и экономической сфере равнения на центр, следует вернуться в Россию времен Петра I. Именно тогда, как утверждают А.М. Панченко и Б.А. Успенский в государственной политике на первый план выходит принцип форсированной модернизации, который предполагает выделение искусственного центра и противопоставление его всему остальному пространству. И в случае с Иваном Грозным, и с Петром I, по словам ученых, «имеет место разделение предшествующей культуры на две противоположные; каждая из них осмысляет противостоящую как свой антипод, как антикультуру» [Панченко, Успенский, 1983: 23]. Так называемое рассечение России надвое произошло по воле монархов: оба они стремились прервать традицию и противопоставить России новую России прежней. Каждый из них буквализирует это культурно-идеологическое (т.е. более или менее абстрактное) противопоставление и создает географически альтернативные старой столице реальные центры, за которыми закрепляет значения России будущего: «разделение выражается и территориально <...> Москве Иван противопоставляет Александровскую слободу и Вологду <...> постройка Петербурга воплощает именно эту идею. Он, по словам Феофана Прокоповича, олицетворяет новую, “златую”» Россию в противовес России прежней, деревянной <...> Так создается образ России будущего» [Панченко, Успенский, 1983: 23]. Всё это, а также мифология и практика «европеизации», которыми сопровождалось разделение России, позволило исторически сконструировать образ «безмолвной» провинции, подлежащей

«просвещающему» воздействию выделенного центра по отношению к остальным регионам страны.

Примечательно, что и само слово «провинция» было результатом петровской реформы. Как пишет Л.О. Зайонц, все российские города «расписываются» указом Петра I по провинциям – изначально административным звеньям местной иерархии. Когда же в 1775 году провинция как форма территориального деления упраздняется, слово начинает использоваться в ином ключе – как «целый культурный универсум», что стало началом формирования культурного феномена «провинции» в современном ее значении, подытоживает автор [Панченко, Успенский, 1983: 24]. Так, «выйдя за пределы термина провинция начинает жить как открытая лексическая форма», к ней относится все, что связано с представлениями о русской нестоличной культуре» [Панченко, Успенский, 1983: 23].

К 1840-м гг. будет сформулирована и ключевая «провинциальная» теза: провинция vs столица. Л.О. Зайонц отмечает, что с конца XIX века «в словосочетании “русская провинция” присутствуют два взаимоисключающих, но тем не менее, неразрывно связанных друг с другом смысла – убого и никчемного захолустья и потерянного рая» [Панченко, Успенский, 1983: 25].

Подобные свидетельства нам даёт и толковый словарь В. Даля, у которого само слово является синонимом «области, округа, волости». Однако «провинциал» означает буквально – «человек, живущий не в столице, а житель губернии, уезда, захолустья» [Даль, 1998: 472].

В словаре С.И. Ожегова «провинциальный» так же означает отсталый, наивный, простоватый [Ожегов, 2004: 784]., а «провинциалом» – с негативной лексической окраской становится любой представитель провинции, человек провинциальных взглядов [Ожегов, 2004: 785].

С другой стороны, распространённому мнению о второстепенном значении провинции противостоят идеи Ю.М. Лотмана о периферии как

источнике разнообразных культурных симбиозов, новых смыслов, практик и идей, «возмущающем» устоявшуюся систему. Именно они, по мнению исследователя способны вторгаться в нормативную культуру центра и влиять на нее изнутри. Исследователь отмечает, что «периферийные жанры в искусстве революционнее тех, которые расположены в центре культуры» [Лотман, 1996: 127].

Важными для нашего исследования являются выводы автора о том, что «всякая культура начинается с разбиения мира на внутренне (“свое”) пространство и внешнее (“их”) <...> если в центре метаструктура выступает как “свой” язык, то на периферии она оказывается “чужим языком” <...> на периферии, – чем дальше от центра, тем заметнее, – отношения семиотической практики и навязанного ей норматива делаются все более конфликтными» [Лотман, 1996: 128]. Периферия, реагируя на искусственные нормы, приходящие из центра, в определенный момент начинает производить свои универсальные для всей семиосферы «метаописания» и начинает «бурно выделять новые тексты, бомбардируя ими другие структуры, в том числе и своего “возбудителя”. Процесс этот можно описать как смену центра и периферии» [Лотман, 1996: 129].

Самым активным местом порождения и столкновения новых смыслов и семиотической динамики становится граница. Эти столкновения, пишет автор, «неизбежно приводят к культурному выравниванию и созданию некой новой семиосферы более высокого порядка, в которую включаются обе стороны уже как равноправные» [Лотман, 1996: 132]. Эти процессы способствуют активному «генерированию новой информации, которое приобретает лавинообразный характер» [Лотман, 1996: 130], пишет автор.

Идеи Ю. Лотмана о периферии подтверждают и слова Э. Гарретто о том, что «на периферии можно найти самые подлинные корни культуры, тогда как центр обозначает только доминирующую идеологию» [Лотман, 1996: 131].

Яркой иллюстрацией смены центра и периферии является феномен Петербурга. Этот город с точки зрения своего положения является периферией, но это периферия, ставшая в какой-то момент центром. Как отмечает В.Н. Топоров, в русской культуре сформировался целый ряд текстов, ядром которых становится некая «совокупность вариантов, сводящихся к единому источнику» В.Н. Топорова [Топоров, 1995: 267], и которые можно объединить одним понятием – «петербургского текста».

В.И. Тюпа пишет о том, что «“петербургский текст русской литературы” – это парадигматическое явление, по природе своей аналогичное мифу, в том числе и своей анонимностью. <...> единство поэтики в этом случае следует искать <...> в предметно-смысловом единстве данного культурного топоса (Петербурга) как интенционального (предполагаемого сознанием) объекта» [Тюпа, 2009: 226].

О городе как о феномене русской культуры пишет и в своей книге про Пермь В.В. Абашев. Исследователь выделяет особое место пермского текста в ряду других ему подобных: «петербургского, московского, сибирского, провинциального» [Абашев, 2000: 102]. При этом автора интересует Пермь как структурно-семантическое образование: «Пермь постоянно и стихийно продуцирует собственное символическое поле со своей структурой и семантикой <...> понятие локального текста, понимание города (и территории) как текста в определенной степени резюмирует жизнь человека в месте его жизни» [Абашев, 2000: 102]. «На более чем столетнем интервале русской культуры имя «Пермь» звучало как выражение некоей бытийной предельности <...> для Пушкина, Чехова и Набокова “Пермь” существовала как элемент общекультурной топики, как свёрнутый в точку имени текст», – пишет автор [Абашев, 2000: 102].

В.В. Абашев отмечает, что человек неизбежно семиотизирует место своей жизни, используя языки и коды и традиции национальной культуры. Затем локальная семиотика начинает работать «как относительно самостоятельный аспект среды» жизненного мира человека. И начинает,

соответственно, оказывать обратное влияние на привычки, представления, на мотивацию человеческого поведения и на локальные культурные практики. Такова общая закономерность» [Абашев, 2000: 103].

К таким семиотически сконструированным пространствам можно отнести и пространство Сибири, где в XIX в. возникло явление областничества, ставшее системным центром сибирской культуры второй половины XIX – начала XX вв. Областники выступали за сближение уровней развития центра и региона, а также создание здесь литературной и других школ. На раннем этапе развития своих воззрений они, выступая против колониального гнёта, также отстаивали и вопросы экономического и политического самоопределения.

Для нашего исследования значимым представляется определение сибирского интертекста русской литературы, данное В.И. Тюпой: «Сибирь с ее каторгами, пересыльными тюрьмами, принудительными поселениями и одновременно искателями счастья (переселенцами) в национальном сознании мифологизировалась, стала общепонятным хронотопическим образом определенного способа присутствия человека в мире <...> Сибирь в культурном сознании обрела характеристики страны мертвых» [Абашев, 2000: 104]. Хронотопический образ, который закрепился за Сибирью, по мнению исследователя – это страна холода – зимы – ночи (луны). На формирование такого образа во многом повлияла отправка декабристов на каторгу. Ученый отмечает, что с Сибирью в литературе связана фаза переходного обряда инициации и фаза символической смерти – посещение страны мертвых, где телесное умирание стало залогом духовного возрождения. Отсюда «мифологизация Сибири как лиминального пространства» [Тюпа, 2009: 226]. В.И. Тюпа делает вывод о наличии в литературе целого блока текстов, связанных не только тематически, но и «мифотектонически», это характеризует их как феномен сибирского интертекста.

Мысль В.И. Тюпы доводит до логического завершения в своем исследовании К.В. Анисимов. Делая упор на диалектичности структуры образа Сибири, исследователь отмечает тот факт, что Сибирь далеко не всегда предстает в русской литературе как «мифологическая страна мертвых» [Тюпа, 2009: 226].

Отправка неугодных в Сибирь в начале XVII в. закрепила за этим регионом репутацию «страны изгнания», однако появление старообрядчества с характерным для него стремлением покинуть территорию Московской Руси, пишет автор, способствовало развитию утопической компоненты сибирского текста, и здесь как раз напротив – «страдание и лиминальное стояние перед ликом духовной смерти относилось полностью к русско-московскому этапу жизни человека, сибирское же время-пространство, напротив обещало встречу с вождленным Беловодьем, представление о котором и сложилось к началу XIX века» [Анисимов, 2007: 65]. «Эта семантическая «вибрация» СТ (сибирского текста) от идеи «чужого» как ада к «чужому» как «раю», от условного «умерщвления» героя к условному его «оживлению» составляет суть двуединой «сибирской» мотивно-образной парадигмы», – пишет исследователь [Анисимов, 2007: 65].

Таким образом, было бы неточным определять пространство Сибири только в парадигме «Провинция – Центр», скорее следует говорить о динамичном в оценочном смысле семиотическом пространстве, наделенном особыми характеристиками и стремящемся в какой-то момент встать на позиции центра. Организации такого семиотического пространства во многом способствует поиск своей идентичности в ходе конструирования локальной литературы и появления местных периодических изданий. Мы планируем рассмотреть в этом ключе феномен современного провинциального журнала в Сибири как способа репрезентации региональной идентичности.

1.2. Функции «локального» журнала в современном литературном процессе

Как бы парадоксально на первый взгляд ни прозвучало утверждение о том, что «толстый» литературный журнал в России по-прежнему играет важную роль в литературном процессе в эпоху развития сети Интернет и связанных с ним возможностей, однако есть часть функций, принадлежащих именно «локальному» литературному журналу в печатном и электронном формате, заменить которые пока не способен ни один другой ресурс. Итак, попробуем перечислить основные из них, опираясь на новейшее социологическое исследование 2016 года журнала «Социологическое обозрение» [Вичитикова, 2016].

Как пишет автор статьи А. Вичитикова, сегодня положение «толстых» литературных журналов двойственно: «с одной стороны, он финансово уязвим и недостаточно известен вне профессионального сообщества, с другой – будучи признанным экспертом, влияет на развитие современной литературы посредством одобрения или неодобрения тех или иных текстов» [Вичитикова, 2016: 6]. Но, несмотря на это «толстый» литературный журнал сохранил за собой ряд функций из прошлого, актуальных и сегодня.

Литературные журналы в регионах являются профессиональными литературным изданиями и обладают достаточным авторитетом, чтобы влиять на литературное сообщество и формировать местный литературный канон – круг локальных классиков в лице тех, кто был избран в качестве авторов печатного издания.

Стоит обратить внимание на то, что часто «локальные» журналы становятся хорошим подспорьем именно для начинающих писателей и поэтов, и в этом также заключается важная тенденция участия в деятельности издания со стороны так называемых «авторов с улицы». Многие начинают свою карьеру именно с публикации в малоизвестных или региональных литературных журналах, чтобы затем в случае успеха быть замеченными и

«перехваченными» крупными издательствами. В этом смысле «локальный» журнал выполняет функцию карьерного лифта в писательской среде. В этом, как пишет А. Вичитикова, заключается «инициирующая роль» журнала в литературном процессе [Вичитикова, 2016: 8].

Другой важной функцией современного литературного журнала является поддержание наименее востребованных на рынке литературы жанров: таких как рассказ, повесть, подборки стихов и литературная критика. По причине своей коммерческой невостребованности эти форматы текста сегодня существует чаще в форме «толстых» журналов. Литературные журналы также становятся площадкой для тех авторов, кто пишет в этих жанрах постоянно.

«Толстым» литературным журналам приходится работать с большим потоком текстов, и среди всего этого потока редакторы выбирают то, что маркируют как художественную литературу, поэтому важной функцией «локальных» журналов является качественный профессиональный взгляд на литературу и отбор из всего числа текстов достойных внимания читателя. Другими словами, они формируют современную повестку дня в литературном процессе. В этом смысле за «толстыми» журналами сохраняется статус эксперта в «высокой литературе», и внутри журнального сообщества он неоспорим. Сегодня можно говорить о тенденции, когда большинство известных авторов приходят в литературу именно из журнала.

Многие литературные премии организационно связаны с редакциями журналов и через это также влияют на формирование литературных предпочтений аудитории. Многие редакторы являются приглашенными экспертами в жюри, поэтому можно зафиксировать тесную связь таких мероприятий и с литературным изданиями. В частности, «Сибирские огни» ежегодно вручают свою литературную премию, названную по имени журнала.

Следующая не менее важная функция «локального» литературного журнала – ретрансляция литературных процессов провинциальному

читателю. Эта еще одна основополагающая задача литературного журнала также перешла в современность из XIX и XX вв. Сегодня культурное сообщение между столицей и провинцией во многом поддерживается с помощью взаимодействия с региональными библиотеками и самоорганизации журналов в сети Интернет. Согласно исследованию, существуют читатели, которые пользуются только бумажной версией журналов, у которых нет возможности прочесть электронную версию издания [Вичитикова, 2016: 12]. Кроме того, распространение «толстых» журналов часто связано с государственной поддержкой, поэтому они порой оказываются доступнее остальных ресурсов.

Значимым для нашего исследования является другая важнейшая функция «локального» литературного журнала наряду с остальными – трансляция литературных процессов и поддержание таким образом связи между культурным центром и периферией. Кроме того, журналы презентуют региональную литературу и для столичного, и для зарубежного читателя и исследователя с помощью организованного присутствия в Интернете. Современные отношения между провинциальными и московскими журналами проявляется еще в постоянном обмене авторами, так как многие из них после публикаций в местном журнале стремятся попасть в столичный.

Другой основополагающей функцией «локального» литературного журнала является институциональная поддержка местной писательской среды посредством обеспечения их печатным пространством, а также формирование связей внутри профессионального сообщества, которое крайне важно для легитимности писательской среды. Сегодня прочтение «литературного» журнала дает возможность следить за творчеством коллег, оценивать тенденции и контекст, чувствовать сопричастность.

Таким образом, можно говорить о том, что «толстый» журнал формирует литературный поток и как результат – вкусы современного читателя, отбирая из общей массы то, что соответствует художественной литературе, он является культурным ретранслятором – как вовне, так и

внутри профессионального сообщества, в том числе и поддерживая культурные связи между столицей и провинцией. Также журнал выполняет иницилирующую функцию по отношению к молодым авторам, предоставляя им площадку для профессиональной реализации. На сегодняшний день «локальные» литературные журналы представляют собой динамическое социальное образование, и несмотря на то, что находятся в тяжелом финансовом положении, остаются главными экспертами в области литературы.

Однако не стоит забывать и о том, что помимо всего прочего «локальные» литературные журналы не только отражают динамику развития литературы внутри региона, но и демонстрируют определенный уровень саморефлексии, связанной с их региональной идентичностью. В рамках нашего исследования мы затронем различные аспекты развития «локального» литературного журнала «Сибирские огни» в новейший период: в данном случае нас будет интересовать такая функция провинциального литературного журнала как рефлексия собственной территориальной идентичности.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Как точно отметил исследователь В.В. Абашев, человек неизбежно семиотизирует место своей жизни, используя языки, коды и традиции национальной культуры, и уже затем локальная семиотика начинает работать «как относительно самостоятельный аспект среды» и оказывать влияние на привычки, представления, мотивацию человеческого поведения в том числе и на уровне «локальных культурных практик» [Абашев, 2000: 103].

К таким семиотически сконструированным пространствам можно отнести и Сибирь, где в XIX в. возникло явление областничества, ставшее системным центром сибирской культуры второй половины XIX – начала XX вв. Среди прочего областники выступали за сближение уровней развития центра и региона, а также за создание в Сибири литературной и других школ.

Сегодня в литературном поле существует целый слой текстов, связанных не только тематически, но и «мифотектонически», что характеризует их, по мнению В.И. Тюпы, как феномен сибирского интертекста. Дальнейшие исследования этого феномена показали сложность, диалектичность структуры образа Сибири. Так, исследователь К.В. Анисимов отмечает, что Сибирь далеко не всегда предстает в русской литературе как «мифологическая страна мертвых» [Тюпа, 2009: 226]. И хотя отправка неугодных в Сибирь в начале XVII в. закрепила за регионом репутацию «страны изгнания», появление такого движения как старообрядчество с характерным для него стремлением покинуть территорию Московской Руси способствовало развитию утопической компоненты сибирского текста. «Эта семантическая «вибрация» СТ (сибирского текста) от идеи «чужого» как ада к «чужому» как «раю», от условного «умерщвления» героя к условному его «оживлению» составляет суть двуединой «сибирской» мотивно-образной парадигмы», – пишет исследователь [Анисимов, 2007: 65].

Таким образом, было бы неточным определять пространство Сибири только лишь в парадигме «Провинция – Центр», скорее следует говорить о динамичном в оценочном смысле семиотическом пространстве, наделенном особыми характеристиками и стремящемся в какой-то момент встать на позиции центра. Организации такого семиотического пространства во многом способствует поиск своей идентичности в ходе конструирования локальной литературы и появления местных периодических изданий. В данном исследовании нас будет интересовать феномен современного «локального» журнала «Сибирские огни» в контексте идей регионализма.

Мы также отметили ряд важных функций, которые сегодня выполняет «толстый» литературный журнал в регионе: это и институциональная поддержка местной писательской среды за счет обеспечения ее печатным пространством, и формирование связей внутри профессионального сообщества, и многие другие.

Таким образом, можно говорить о том, что «толстый» литературный журнал по-прежнему формирует вкусы современного читателя, отбирая из общей массы то, что соответствует художественной литературе, он является культурным ретранслятором – как вовне, так и внутри профессионального сообщества, в том числе поддерживая культурные связи между столицей и периферией. Сегодня «локальные» литературные журналы представляют собой динамическое социальное образование, и несмотря на то, что находятся в тяжелом финансовом положении, остаются главными экспертами в области литературы.

Однако не стоит забывать, что подобные издания не просто отражают динамику развития литературы региона, но и демонстрируют определенный уровень саморефлексии, связанной с их региональной идентичностью. Во второй главе мы как раз и рассмотрим такую функцию толстого литературного журнала «Сибирские огни» как рефлексия собственной территориальной идентичности в новейший период.

ГЛАВА 2. «СИБИРСКИЕ ОГНИ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ РЕГИОНАЛИЗМА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА В XX-XXI ВВ.

2.1. Отголоски сибирского областничества XIX в. на страницах журнала «Сибирские огни»

Анализ «локального» литературного издания невозможен вне исторического контекста, поэтому прежде чем перейти к оценке современного состояния необходимо затронуть историю образования журнала «Сибирские огни»: нас будет интересовать прежде всего трансформация идеи регионализма на страницах данного литературного издания на протяжении XX века.

Итак, в декабре 1921 года ЦК РКП(б) одобрило докладную записку Сибгосиздата о создании нового печатного органа в Новониколаевске (будущем Новосибирске). Первая редакционная коллегия журнала утверждена 13 марта 1922 года, эта дата считается временем основания издания. Возглавил журнал Е.М. Ярославский, редакторами издания в то время являлись В.Я. Зазубрин и В.П. Правдухин. По своему оформлению и содержанию «Сибирские огни» изначально ориентировались на столичный «толстый» литературный журнал «Красную новь». В своей программной статье в первом номере «Сибирских огней» в марте 1922 года редакция определила задачи издания следующим образом: «Не стесняя себя узкими догмами, журнал будет принимать всё, что художественно воспроизводит эпоху социальной революции и её своеобразное отражение в Сибири, что “созвучно” эпохе» [Ярославский, 1923: 253]. Так изначально «Сибирские огни» ставят перед собой задачу сохранения и обогащения **традиций локальной литературы** и планируют для этого объединить вокруг журнала **местных писателей**.

Таким образом, с момента своего образования журнал оказался между двух огней – желанием «продвигать» идею региона – важного

символического ресурса, продуманное использование которого сначала казалось вполне допустимым, и в то же время неуклонно следовать постоянно меняющимся установкам коммунистической партии, что в действительности оказалось крайне непросто. Трансформациям идеологии и поэтики «областности» в журнале «Сибирские огни» с начала 1920-х до середины 1950-х годов посвящено значимое для нашей работы исследование А. Разуваловой [Разувалова, 2015].

В своей работе втор пишет о том, что проблемы вокруг журнала в конце 1920-х – 1930-е годы обсуждались при активном участии руководителей края, и видит в этом попытку культурной элиты согласовать свои интересы с интересами центра, «напомнить о самобытности региона, оставаясь при этом на идеологически легитимных позициях» [Разувалова, 2015: 80].

Выше мы уже упоминали о связи провинции с идеей модернизационного рывка в контексте истории развития страны после правления Петра I: эта теория оказалась актуальной и для советского проекта. Новая власть видела в Сибири прошлого столетия с ее огромными незанятыми территориями и неосвоенными ресурсами идеальное пространство для грандиозного культурного и экономического эксперимента. Самым прямым средством осуществить это в культурной сфере оказалась, в том числе, возможность формировать определенный образ территории средствами «толстого» литературного журнала «Сибирские огни». Так, культурное развитие регионов было призвано служить идеологии советского проекта, составляющей которого была метафора качественных преобразований окраин, к которым относили и Сибирь, однако и здесь все оказалось не так однозначно.

В 1920-е годы идея «областности» интерпретировалась в выгодном для власти ключе: коренные сибирские народности становятся примером этносов, пострадавших от «колониального гнета». На них, по Т. Мартину [Мартин, 2011], распространяется принцип «положительной дискриминации», когда внимание к этническому самосознанию и культуре в

1920-е годы воспринимается как одно из проявлений антиимперских и антиколониальных настроений. Этот принцип, как пишет исследователь, определял советскую национальную политику вплоть до конца 1920-х. Поэтому, с одной стороны, Сибирь могла рассчитывать на особые условия для «освобожденных революцией» местных народностей и учет региональных интересов при выборе траектории собственного развития [Разувалова, 2015: 78].

С другой стороны, ввиду того, что в начале 1920-х годов в ходе гражданской войны актуальной стала угроза территориальной дезинтеграции, культурная самостоятельность в регионах казалась центральной власти подозрительной. Именно по этой причине идеи «областности» как культурного ресурса подвергались пристальному контролю со стороны партии, но несмотря на серьезные попытки в 1930-е годы снять с повестки вопросы региональной специфики, эта тема не раз в течение прошлого столетия появится на страницах журнала «Сибирские огни» в самых разных своих проявлениях и вплоть до возникновения в литературном поле творчества сибиряков-«деревенщиков».

Если говорить о 1920-х годах, то повестка дня журнала здесь посвящена краеведению: в эти годы журнал публикует статьи по сибирской истории, этнографические очерки об аборигенных народностях и старожильческом населении края, заметки о климатических и геологических особенностях региона, рецензии на популярные специализированные издания. Однако Сибирь при этом всего лишь вписывалась в общесоветский нарратив истории с упоминанием отдельных деятелей, способствовавших развитию края.

Значимым для нашего исследования является тот факт, что именно в этот период ученым сообществом – литературоведами, искусствоведами и историками осуществляются активные попытки разобраться в том, что же такое «сибирская литература», «сибирское искусство» и «сибирика». В это же время впервые упоминается о том, что «сибирика» – это не только тема, но и особая поэтика изображения. В своих исследованиях ученые пытались, с

одной стороны, уйти от «романтических штампов» отдаленной плохо изведанной земли, с другой – не уйти в «примитивный «этнографизм» [Разувалова, 2015: 84], чтобы найти в итоге свой язык описания региона. Поэзия этого периода, публиковавшаяся в журнале, активно использует традицию толковать Урал как границу между Европой и Азией, идущую из XVII века, в новом ключе – как конфликт цивилизованного и дикого, старого и нового. На этом этапе воскресает конфликт эпохи Просвещения: советский проект и реализуется во многом как очередной виток просветительского преобразования мира.

Однако в 1930-е годы романтико-революционный образ Сибири стал противоречить меняющемуся идеологическому курсу власти, и журнал «Сибирские огни» начинает активно освещать темы социалистического строительства, отражая при этом исторические и географические особенности региона. Задачей, которую ставят перед собой издатели в этот период, было суметь отразить идеи индустриализации на «местном материале» [Разувалова, 2015: 87].

В этот период термин «сибирская литература» используется вне контекста идеологии «областности» и ограничивается объединением писателей по территориально-организованному признаку, а в критических статьях и публицистике «Сибирских огней» декларируется активная борьба с «рецидивами областнического подхода и местничеством», что приводит к постепенной утрате журналом «сибирского колорита» [Разувалова, 2015: 89]. В то же самое время редактор «Сибирских огней» В. Итин произносит на Первом съезде советских писателей в 1934 году речь о необходимости децентрализовать литературный процесс, однако все это по его же мнению, должно остаться в рамках отражения все той же главной идеи превращения Сибири каторжной и Сибирь социалистическую. В итоге определение «сибирскости» в соцреалистической культуре сводилось к аналогу общесоюзных попыток обнаружить и показать характерные черты жизни представителей новых национальных республик.

В послевоенный период, в первой половине 1950-х годов, история воплощения в жизни идеи региональных особенностей на страницах журнала движется в сторону все более активного формирования стереотипов о Сибири, формального фиксирования преодоления отсталости региона и подтягивания его до уровня центра. Авторы фиксируют в статьях признаки присутствия центральной власти в регионе и доказательств непрерывающейся связи с Москвой. Далее «сибирская тема» находит свое применение в неприкрытом прагматическом интересе столицы к неосвоенным ресурсам края, а героическое прошлое по-прежнему рассматривают как признак «местничества», а также «националистических настроений», и по этой причине любое его использование на страницах журнала подвергается пристальному контролю.

Примечательно, что начиная со второй половины 1960-х – в 1970-е годы в связи с кризисом в управленческих кругах и подрывом авторитета к партии снова происходит попытка опереться на региональное и реконструировать идею «местной самобытности», взяв за основу территориальные мифы, сюжеты и метафоры, однако возможности использования идеи «областничества» по-прежнему ограничены определенными рамками.

Описывая феномен «деревенской прозы», проявившийся в сибирской литературе во второй половине прошлого столетия, А. Разувалова упоминает о том, что главной своей задачей представители этого направления видели борьбу с обесцениванием прошлого Сибири. Автор исследования находит в творчестве и общественной деятельности сибиряков-«деревенщиков» проявление «областнических интенции» в их реконструкциях истории Сибири и особенное художественное осмысление трагедии «советской инструментальной модернизации региона, уничтожившей, с их точки зрения, его «первозданность» [Разувалова, 2015: 88].

Однако несмотря на то, что творчество этих писателей было подкреплено гражданской активностью против экологически губительных проектов на территории края, А. Разувалова констатирует, что оно осталось в

рамках переживания «краха идеи региона в советской культуре» [Разувалова, 2015: 88]. И хотя эти авторы оспорили стирание локальной идентичности, их литературное творчество, базировавшееся, по мнению исследователя, на «натурализации» особенностей местной природы и переживании утраченных возможностей, было лишено модернизационного импульса – четко сконструированного образа будущего. Именно поэтому «неопочвеннический» регионализм остался в пределах советского проекта с большей или меньшей степенью «раскрепощения» идей «областности» [Разувалова, 2015: 89]

Наше исследование в отдельных своих главах затронет в том числе и вопросы о том, продолжила ли идея «областности» свое существование в журнале уже в новейший период его издания. Пока мы можем отметить, что в целом в новый век журнал вступил с идеями отстаивания традиционных ценностей и национального своеобразия современной литературы. Именно поэтому значительное место здесь по-прежнему отводят теме прошлого Сибири и ее литературы. Этому посвящены публикации произведений А. Сорокина, А. Несмелого, И. Гольдберга, Л. Сейфуллиной, М. Кравкова, А. Коптелова, Н. Самохина, В. Шукшина А. Якубовского и других. Отдельную группу составляют авторы исторических романов: Б. Климычев (Томск) и А. Родионов (Барнаул). В журнале активно публикуются произведения и статьи, посвященные далекому прошлому Сибири: роман Александра Родионова «Азь грешный» (2001) об эпохе правления первого сибирского губернатора князя Матвея Гагарина, роман томича Бориса Климычева «Кавалер Девильнев»(2002) – о первом коменданте города, выходеце из Франции.

При всем при этом литературное содержание журнала демонстрирует как жанровое, так и тематическое разнообразие: в «Сибирских огнях» сегодня публикуются и представители реализма, и современной фантастики. Наряду с традиционными рассказами и очерками, здесь публикуются и, к примеру, роман-катастрофа, и антиутопии.

«Сибирские огни» также дают пространство для творчества и для авторов из других регионов, таковы, например, рассказы автора из Воронежа Вячеслава Дёгтева и др. В журнале появляются и переводы произведений коренных сибирских народов, созданные национальными писателями Тувы, Горного Алтая, Хакасии, Бурятии, Якутии и переведенных на русский язык писателями-сибиряками.

2.2. Самопрезентация журнала «Сибирские огни»: между центром и периферией

В культурологии сложилась устойчивая традиция использовать пару «центр-периферия» как устоявшуюся дихотомию. Сам феномен провинции понимается рядом исследователей как негативный/обратный образ центра. Провинциальная культура – внутреннее пространство, идентификация которого происходит лишь после вскрытия духовных, нравственных, экономических и прочих взаимосвязей с «центром» [Дахин, Распопов, 2000: 87].

Е.Ю. Агеева пишет: «Провинция вечна и неистребима, но как самостоятельное и достойное самого пристального внимания явления она существует лишь постольку, поскольку существует столица, которая <...> всегда задает тон, являясь инициатором всех перемен, всех глубинных процессов» [Агеева, 1999: 26]. Н.В. Серебренников в работе «Проблемы и перспективы провинциальной литературы» высказывает схожую мысль: «Столица есть гарант какого б то ни было существования провинции – экономического, социального, культурного» [Серебренников, 2000: 57]. Таким образом, непременным условием существования периферии, по словам авторов, является центр, и в этой дихотомической оси одно понятие существует постольку, поскольку есть другое.

Одновременно существует иная концепция центра-периферии – ценностно-семиотическая (работы Ю.М. Лотмана, В.Л. Каганского, Н.М. Индюшкина). В этом случае провинция определяется преимущественно

в смысловых и качественных категориях, нежели во властно-универсализующих (как центр) или отличительных (как периферия). На первом месте стоит идея провинции как некоего внутреннего пространства, которое, по мнению Ю.М. Лотмана, в восприятии отдельной личности может вставать на позиции центра безотносительно к иерархии взаимоотношений центра как столицы и периферии как пространства второстепенного.

«Сибирские огни» – провинциальный «толстый» литературно-критический журнал. Его особенная самоидентичность может быть определена через анализ позиционирования издания в рамках дихотомии «центр – периферия». Материалом нашего исследования стали презентационные тексты журнала, размещенные на официальном сайте (статья А. Горшенина «О журнале “Сибирские огни”», обращение редактора, текст «От редакции»). Жанр этих текстов предполагает присутствие программных/манифестационных установок.

Журнал «Сибирские огни» впервые стал известен читателю 22 марта 1922 г., когда на базе отдела государственного издательства Сибгосиздат вышел в свет первый номер. Журнал создавался во многом под влиянием революционных настроений, и редакция ставила своей целью освещать «своеобразное отражение в Сибири» революции [Щукин, 2013]. Таким образом, акцент делался на специфике сибирского восприятия/оценки событий. Такая самоидентификация (мы – сибирский журнал) проявляется в историческом обзоре «жизни» издания А. Горшенина: «В журнальных статьях, рецензиях, разных других литературно-критических материалах можно было найти отклики на все наиболее существенные события *литературной жизни Сибири* (здесь и далее выделено нами – У.А.)» [Щукин, 2013].

В историческом контексте журнал не раз заявляет о своей значимости в символическом пространстве «сибирского»: «Возникали многочисленные <...> альманахи и журналы <...> Однако почти все они были мотыльками-однодневками и редко какой доживал до пятого-шестого номера. И уж тем

более ни одно из названных изданий не могло стать *стержнем, хребтом всей литературы Сибири*» [Щукин, 2013]. Автор вводит оценочное суждение в адрес других периодических изданий, одновременно акцентируя судьбоносный характер появления «Сибирских огней»: «Правда, будучи сугубо местными очажками культурной жизни, эти *журнальчики и альманашки* (прим. ред.) такой задачи перед собой и не ставили. *Судьба сия уготована была* другому журналу...» [Щукин, 2013]. Как отметил В.Я. Зазубрин, «на его страницах нашла приют *вся сибирская литература*» [Горшенин, 1997].

А. Горшенин в статье «О журнале “Сибирские огни”» [Горшенин, 1997] указывает на то, что «очень многое здесь, в том числе и в литературе Сибири, приходилось начинать заново». Так, впервые был организован и «толстый» журнал». Как пишет А. Горшенин, «идея “толстого” литературного журнала витала в Сибири давно <...> по задумке авторов журнал должен был стать «притягивающим со *всей Сибири центром литературно-научных сил*» [Горшенин, 1997].

Указание на «сибирский характер» журнала мы встречаем и в исторической справке, написанной тем же автором: «История “Сибирских огней” – это наглядная и яркая картина жизни *всей сибирской литературы с начала 20-х годов и до наших дней*, отражение живого литературного процесса во всем его многообразии <...> разумеется, со *своими особенностями*» [Горшенин, 1997]. Здесь автор указывает на мультиэтнический состав территории Сибири. Это важно, поскольку журнал в XX столетии выступал в роли площадки, где работы о самых разных народностях севера и юга, востока и запада региона были собраны и опубликованы в форме переводов на русский язык, а также исследований по фольклору и «литературе народов Сибири». Вот как описывает вклад журнала в развитие межэтнических отношений А. Горшенин: «Сибирь – *многонациональный* край. Десятки разных народностей проживают на её территории <... > «Сибирские огни» вообще всегда стремились к тому,

чтобы с читателями *говорила вся необъятная и разноликая Сибирь*. А потому авторы журнала объехали её от края и до края <...> Писателей-сибиряков волновала *жизнь и судьба народностей Сибири*» <...> Журнал быстро превратился в многонациональный печатный орган <...> Журнал публиковал переводы фольклора алтайцев, шорцев, народов Крайнего Севера» [Горшенин, 1997]. Важно, что традиция описывать литературу малых народностей существовала не только в советский период жизни журнала, но и, как пишут авторы редакции, сохранилась до сих пор.

Анализ программных текстов позволил вычленить ряд эпитетов и метафор, связанных с семантикой огня (костер/искры/пламя): «уже сама мысль *разжечь жаркий костер сибирской литературы* в небольшом городе <...> была вызывающе смелой» [Щукин, 2013]; «из “Искры” разгорелись <...> довольно *яркие костры* во всем нашем мире, – это дает мне право думать, что отличная работа “Огней” *разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири*» (А.М. Горький); ««Сибирские огни” есть *огни, костер, разложенный в тайге* в то время, когда еще хлестал свинцовый дождь гражданской войны» (В. Зазубрин); «наша святая обязанность – чтобы *огни эти светили ярче и ярче...*» [Горшенин, 1997]. Такой метафорический ряд, на наш взгляд, имеет несомненный самопрезентационный подтекст: мы – источник литературной и духовной жизни, ориентир.

Отдельно А. Горшенин выделяет работу литературно-критического отдела: «В журнальных статьях, рецензиях, разных других литературно-критических материалах можно было найти отклики на все наиболее существенные события *литературной жизни Сибири*» [Горшенин, 1997]. И в заключении даёт высокую оценку работе журнала за семьдесят пять лет существования: «Сделанное “Сибирскими огнями” невозможно переоценить, как нельзя представить сегодня без этого журнала самый значительный, яркий и творчески насыщенный период (советский) *литературной истории Сибири*» [Горшенин, 1997]. Значимой для нашего исследования является ремарка А.В. Луначарского как представителя «центра» о «Сибирских

огнях»: «Этот журнал приходится признать *лучшим из провинциальных*» [Щукин, 2013].

Итак, презентационные тексты «Сибирских огней» демонстрируют отчетливую установку на выделение себя в контексте других периодических журналов как *сибирского* издания.

Одновременно с этим мы обнаруживаем присутствие противоположной самопрезентационной стратегии издания, когда «Сибирские огни» позиционируют себя как всероссийский журнал. В этом проявляется ориентация издания на символическое сближение с «центром» путем выхода за пределы региональных установок. Причина, на наш взгляд, скрывается в стремлении журнала привлечь больше писателей со стороны, расширить круг собственной проблематики, выйти на общероссийский уровень, где, по мнению П. Бурдые, описывавшего типологически сходные ситуации, журнал имеет больше шансов обогатиться «символическим капиталом» [Бурдые, 2000: 22] .

С первых строк небольшого по объему обращения к читателям на сайте журнала встречаем следующее описание: «“Сибирские огни” – это огни, на которые *в бездорожье нашего времени* должны приходить все, у кого есть талант» [Щукин, 2013]. В тексте возникает образ тревожного времени, без ориентиров, образ бездорожья, в котором журнал «Сибирские огни» претендует на роль места, куда может прийти *каждый* (т.е. не только сибиряк! - *прим. ред.*), у кого есть талант.

Оценку современного положения журнала можно «вычитать» в заметке «От редакции». Небольшая по объему справка начинается с исторической ремарки: «Журнал “Сибирские огни” знаком российскому читателю с момента своего основания в марте 1922 года. За это время здесь опубликовались несколько поколений *известных не только в Сибири, писателей и поэтов*». Далее идет перечисление ряда писателей, а после еще одна ремарка: «*и ещё десятки имён, составляющих цвет современной русской поэзии*» [Щукин, 2013]. В данном тексте обнаруживает себя

претензия журнала на всероссийский охват, акцентируется значимость публикуемых писателей в масштабах всей литературы России. Такое позиционирование выходит за рамки собственно «сибирского» журнала и предполагает иное – национального масштаба.

Следы этой тенденции наблюдаем и в статье А. Горшенина. «”Сибирские огни” по времени возникновения стали *вторым в советской России* журналом» [Горшенин, 1997]. Автор ставит издание на уровень московской «Красной нови», что сразу задаёт высокую планку и говорит о стремлении выйти за пределы провинциального уровня и приблизиться, скорее, к центральному печатному органу, нежели региональному. Об этом же свидетельствует и замечание о влиянии «Сибирских огней» на культурную жизнь России: «Журнал был сразу замечен и быстро завоевал внимание читателей, в том числе и тех, кто представлял культурную *российскую элиту*». «Сибирские огни» автор называет «одной из самых *мощных баз российской литературы*» [Горшенин, 1997]. Автор аргументирует свое заявление тем, что ряд авторитетных писателей-представителей «золотого фонда отечественной словесности» начинали свою литературную карьеру именно на страницах этого журнала.

Примечательно, что описывая современную программу «Сибирских огней», редактор М. Щукин акцентирует следующие задачи: «Наряду с сохранением и изучением нашей богатейшей вековой истории, *журнал основной своей целью ставит открытие новых имён в многонациональной российской литературе*» [Горшенин, 1997].

В этом отношении крайне важна и другая оценка, касающаяся контента издания за разные годы его «жизни»: «Несмотря на то, что журнал стал своеобразной историко-культурной и литературной летописью края от древнейших времен и до наших дней, он *не замыкался в территориальных, областнических рамках*. Поэтому нередко появлялись публикации о явлениях *общероссийского* и даже мирового масштаба» [Горшенин, 1997]. Важно, что в контексте описания работы журнала в направлении изучения и

публикации местного фольклора (речь идёт о малых народах Сибири) авторы отдельно выделяют такую категорию, как «русское народное творчество» и его освещение на страницах «Сибирских огней».

Таким образом, материал современных программных текстов на сайте «Сибирских огней» позволяет сделать вывод об одновременном сосуществовании двух различных самоидентификационных установок издания. Одна из них предполагает сосредоточенность на «сибирском тексте и подчеркивает региональную установку журнала «Сибирские огни». Другая же, напротив, направлена на размыкание границ региона, и здесь журнал позиционирует себя как потенциальную площадку для авторов со всей страны, а так же учитывает в своей повестке не только сибирские, но общероссийские темы, публикуя критику на тексты со всей России, в том числе и на произведения столичных авторов. Из всего этого следует вывод о том, что «Сибирские огни» как «локальное» издание не замыкается только в рамках областнических интересов, более того, оно претендует на роль альтернативного центра литературных сил для всех остальных регионов страны.

2.3. Рефлексия истории как утверждение в современности: прошлое журнала на страницах «Сибирских огней» в 2000-х

Насчитывая 95 лет непрерывной истории, неудивительно, что журнал «Сибирские огни» в лице своих авторов стремится к осмыслению своего прошлого. Для нашего исследования мы выбрали публицистические и литературно-критические статьи журнала «Сибирские огни» за 2000-2017 гг. с целью обнаружить и описать, какие именно темы и сюжеты, посвященные жизни издания в советский период, поднимались на страницах журнала уже в новое время и ответить на вопрос, чем вызвана эта тенденция.

Во время изучения материалов мы обнаружили множество отсылок к истории «Сибирских огней», которые остаются актуальными для издания по

сей день. Среди них особое место занимают статьи, которые связаны прежде всего с воспоминаниями о советском периоде работы издания с 1922 года по 1991 гг. в интерпретации современных авторов издания, а также непосредственно публикации архивных документов, отсылающие нас к истории журнала. Примером такого рода документов может стать публикация в февральском номере «Сибирских огней» за 2016 года письма-обращения молодых литераторов к секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Роберту Эйхе с набором творческих предложений, жалоб и личных просьб, написанного в далеком 1933 году. Несмотря на это, современная редакция публикует документ, отмечая, что письмо было «рождено характерными событиями переживаемой эпохи» [Папков, 2012: 34].

Автор актуализирует выбранную тему в авторском вступлении к статье: «Судьба провинциального писателя, поэта, художника и вообще творческого человека в сталинском государстве столь же своеобразна, как и сама история советской культуры. Это не только пример выживания в тяжелых материальных условиях, в условиях постоянной угрозы в момент потерять все, что создается годами творческого труда, но еще и поразительный опыт взаимоотношений с государством, испытание неотвратимого и удушающего диктата деспотической власти, проникающего в повседневные интересы художника и даже в его психологию» [Папков, 2012: 32]. Свои комментарии к письму С. Папков пишет в наше время и поэтому достаточно прямолинеен в оценках, автор называет любопытным замысел и содержание, а также стилистическую форму письма молодых литераторов, попутно обличая советскую систему в превращении самых ярких талантов в служителей официальной идеологии: «Основное, что обращает на себя внимание, – это полная, почти физическая зависимость творческих деятелей от тех, кто распоряжается благами. За скупыми, но выразительными строками письма отчетливо видна глубина проблемы: чтобы начать серьезную литературную работу, нужно добиться покровительства властей, нужно попасть в какой-нибудь счастливый список на получение прожиточного пайка, без которого

ни романы, ни поэмы не пишутся» [Папков, 2012: 33]. Кроме того, С. Папков отмечает, что в регионах царит своя атмосфера и что «в отличие от столиц, здесь всегда было меньше политической и творческой свободы, гораздо беднее жизненные ресурсы и больше зависимости художника от воли и вкусов бюрократии», автор уверен, что в таких условиях «творческая личность быстрее растрчивает свой природный потенциал и нередко становится частью общей системы сервильности, а ее язык – главный инструмент самовыражения – превращается в разновидность советского официоза» [Папков, 2012: 34].

Сама публикация подобных архивных документов говорит о стратегии позиционирования журнала в современный период, ориентированного на рефлексию собственной истории или советского прошлого – того времени, когда издание переживало свой расцвет. Такой ретроспективный подход редакционной политики современных «Сибирских огней» также может свидетельствовать о желании реабилитировать свой статус главного очага всей литературы Сибири, о чем мы говорили выше, когда разбирали вопросы самопрезентации журнала в наши дни.

Во многих подобных материалах открыто звучит ностальгия по советскому периоду, что вполне объяснимо, ведь тираж издания в лучшие годы достигал 125 тыс. экземпляров, сегодня же этот показатель снизился до 1500 экземпляров, поэтому эта тенденция вполне объяснима. В постсоветский период журнал претерпел значительные изменения и находился в тяжелой экономической ситуации. Стоит отметить, что «Сибирские огни» едва не прекратили своё существование 90-е годы. Об этом свидетельствует и воспоминание автора журнала В. Яранцева в № 10 от 2012 года: «Лихие» 90-е годы едва не обрушили журнал. Нужно было ждать 1998 г., чтобы СО вновь воскресли, как это бывало уже не раз. И сейчас обновленные СО, *оглядываясь на свою долгую и славную историю (здесь и далее курсив наш – прим. ред.)*, могут с гордостью сказать, что она у них весьма богатая и интересная, обязывающая и далее служить литературе,

сибирской и российской, новыми авторами и произведениями» [Яранцев, 2012: 12]. Действительно, с 1998 года «Сибирские огни» издаются в прежнем режиме и в 2016 году периодичность выпусков журнала составила 12 номеров в год.

С момента своего образования «Сибирские огни» стремились походить на московский толстый журнал «Красная новь», начавший выходить в Москве летом 1921 г. Вот что пишет об этом автор «Сибирский огней» Владимир Яранцев: «Особый темп» новой, советской прозы в «Красной нови» повлиял не только на Л. Сейфуллину, но и на СО («Сибирские огни» – прим. ред.), во многом заимствовавших у «москвича» слог, дух, идеологию «попутничества», вплоть до названий и расположения отделов и рубрик. В знак такой родственной близости СО уже в № 2 напечатали наиболее яркого автора «Красной нови» сибиряка Вс. Иванова (рассказ «Амулет»), а «Красная новь» – «огнелюба» И. Ерошина. Взгляды редактора московского журнала А. Воронского разделял и В. Правдухин, фактический редактор СО в 1922 – начале 1923 гг., а художественные принципы, заложенные для «Красной нови» еще А. Горьким, стали основой и для СО не на одно десятилетие» [Яранцев, 2012: 14].

Таким образом, издание изначально заявляет вполне открыто о своих амбициях стать если не центральным журналом России, то центром всей литературы Сибири и близлежащих регионов. Текст самой статьи публикуется под знаковым заголовком «Краткая история долгого пути», а тот факт, что он опубликован в 2012 году, еще раз свидетельствует о рефлексии прошлого на страницах журнала.

Моменту образования журнала, как отмечает В. Яранцев, предшествовал ряд серьезных изменений и социальных катаклизмов, через которое прошло все российское общество, эти факторы, обостряясь время от времени, сказывались и на самой деятельности издания, и уже отчасти были описаны нами в параграфе, рассказывающем о трансформация идей регионализма на страницах журнала в XX веке. Вот что пишет об истории создания журнала

В. Яранцев: «Возникновение и длительное существование «толстого» журнала в таком *малоосвоенном крае, как Сибирь, является своего рода феноменом*. Необходимы были социальные катаклизмы, революция и Гражданская война, чтобы разрозненные литературные силы, безуспешно пытавшиеся наладить здесь литературный процесс, смогли, наконец, объединиться и плодотворно развиваться. В этом смысле появление «Сибирских огней» (далее – СО) можно назвать парадоксальным: журнал издается в ситуации послевоенной разрухи, когда на повестке дня главными были не культурные, а экономические и политические вопросы, и в небольшом сибирском городке Новониколаевске, где не было ни творческой интеллигенции, ни тех, кому адресовано ее творчество». <...> Таким образом, решающими оказались причины субъективные: в 1921 г. в Новониколаевске, куда решили перенести новую столицу Сибири из Омска, оказались два творческих, пассионарных человека – Валериан Правдухин и Лидия Сейфуллина, которые сумели увлечь идеей сибирского журнала и «”красные” власти, и писателей» [Яранцев, 2012: 14].

Упоминание В. Яранцева о переносе столицы Сибири с ранее небольшой и малоизвестный населенный пункт Новониколаевск не случайно и является значимым для нашего исследования. Дело в том, что Новосибирск так же, как и журнал «Сибирские огни» с самого момента своего образования создается и строится как советский проект, что отчетливо можно проследить в архитектурном облике этого города, возведенном практически с нуля. В случае с журналом его идеологическая направленность была продиктована как самим временем образования – 1922 год, так и названием издания вполне отвечавшем общей логике советской идеологии с ее стремлением разжечь из искры пожар мировой революции. Название журнала после его создания очень красноречиво прокомментирует сам А.М. Горький: «Из “Искры” разгорелись <...> довольно яркие костры во всем нашем мире, – это дает мне право думать, что отличная работа “Огней” разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири» [Яранцев, 2012: 15].

Автор статьи «Краткая история долгого пути» Владимир Яранцев, описывая историю создания журнала, подтверждает мысль о том, что символика огня была тесно связана с движением к «светлой цели»: «Удачное название журнала было одним из слагаемых его успеха: оно явилось плодом коллективных усилий, хотя В. Правдухин считал его единственным автором Л. Сейфуллину. Однако эта символика огня, огней, зовущих к светлой цели, лучшему будущему, была популярна еще в произведениях писателей-«народников», в том числе В. Короленко. Его прозаическую миниатюру «Огни» читает герой ранней пьесы В. Правдухина, цитирует в своей статье о писателе в № 1 СО Г. Вяткин, это слово использует и сам редактор в своей статье *«Зародыши коммунизма в Сибири – огни Сибири»* [Яранцев, 2012: 14]. Такая тесная связь журнала с проектом построения коммунизма не случайна, как ни случайно и то, что с самого момента зарождения создатели журнала ориентировались на некую установку – выступить в качестве субституции, проекции центра. О чем, в частности, упоминают исследователи советского проекта. Коммунистическая Москва как бы «клонировала» себя через радио, иные медиа, через символы в том числе. Именно по этой причине образ огня, являясь главным символом, начинает по нисходящей воспроизводиться по всему пространству СССР, что очень хорошо видно на примере названия издания «Сибирские огни» и других советских медиа.

Отдельного внимания заслуживает стремление журнала занять позиции организационного центра в масштабах Сибири и стать таким образом организующей инфраструктурной единицей не только для литературы Сибири, но и для других регионов. Об этом стремлении периферии заместить собой центр, встать на его позиции мы подробно говорили в первой главе. Подобные амбиции описывает в своих воспоминаниях о моменте образования журнала «Сибирские огни» и В. Яранцев: «Создание СО стало их подлинным произведением, явившимся результатом переосмысления сущности и функций Сибгосиздата. В. Правдухин, заведующий этим учреждением, которое было, по выражению Л. Сейфуллиной, «бедным

родственником», зависящим от Сибирского краевого отдела народного образования (Сибнаробраз), считал, что журнал не только поднимет престиж издательства, но и станет *местом, способом собирания и воспитания «писательских сил»*: «Без такого *центра* все слова о государственном издательстве будут пустыми», этот «*центр*» *и есть журнал*, который объединит и госструктуры («Госиздат, Сибпечать, Лито» и т. д.), и будущих авторов. Масштаб задуманного отражается в статусе журнала: во-первых, он будет «общесибирским», а во-вторых, не просто «литературно-художественным», но в нем будут участвовать и «литературно-научные силы» [Яранцев, 2012: 16].

Одновременно со стремительным развитием журнала развивалась культурная столица региона Новосибирск. В публикуемых журналом в 2000 году отрывках из воспоминаний Афанасия Коптелова, писатель указывает на растущую роль города, где журнал был основан, как литературного и журнального центра всех писательских сил Сибири: «Новосибирск становился литературной столицей края, простиравшегося в двадцатых годах от Урала до Забайкалья. Кроме «Сибирских огней», в нем издавался толстый экономический журнал «Жизнь Сибири» [Яранцев, 2012: 15]. В другой статье сибирский город сравнивается с американским по динамике застройки: «Не секрет, что Сибирь часто сравнивали с Америкой с точки зрения темпов и границ колонизации, климата и литературы, градостроения и архитектуры (вспомним «СибЧикаго» – прозвище бурно строившегося Новосибирска в 20-е гг.)» [Яранцев, 2012: 15].

Высшей точкой развития «Сибирских огней» авторы журнала А. Коптелов и В. Яранцев называют празднование пятилетия основания СО в 1927 г. Однако прошлое издания оказалось не таким однозначным. В истории журнала были крайне тяжелые страницы, в частности репрессии, которые затронули первый состав редакции, обвинения в «областничестве» и увольнение редакторов. Об этих событиях автор упоминает в своей статье «Краткая история долгого пути»: «Между тем СО висели на волоске.

Наступали самые трудные 1937-1938 гг. Журнал за это время сменил нескольких редакторов: в начале 1937 г. в очередной (но не в последний) раз был снят А. Высоцкий, №№ 3 и 4 редактировал В. Итин, № 5-6 А. Ансон; № 1 за 1938 г. – И.А. Гольдберг, № 2 – А. Домрачев, с №№ 3-4 и до конца 1939 г. – Г.У. Бузурбаев. Тем не менее журнал выжил благодаря хорошему запасу прочности – молодым талантливым авторам, появившимся еще в начале 30-х гг., и тем, кто прошел через репрессии, унесшие жизни В. Итина, А. Ансона, И. Гольдберга, П. Петрова, П. Казанского, М. Кравкова, П. Гинцеля, расстрелянных в Москве В. Зазубрина и В. Правдухина. «Шли страшные недели» [Яранцев, 2012: 15].

Коллектив «Сибирских огней» не раз сталкивался с вмешательством в деятельность издания со стороны партии, это было во многом вызвано редакционной политикой, проводимой журналом в первые годы его существования, когда авторы допускали смелые или неоднозначные оценки в критических и публицистических статьях, отличающихся от идеологической линии партии. Как отмечает В. Яранцев, одним из самых ярких в истории «Сибирских огней» стал факт публикации положительной рецензии В. Итина на книгу Н. Гумилева, расстрелянного как контрреволюционера. Однако стоит отметить, что подобные вольнодумство было характерно для журнала с самого начала его основания, о чем тот же автор пишет отдельно: «Уже при рождении и становлении СО в них появилось немало “крамольного”. И. Ходоровский и Д. Чудинов выражали недовольство политикой НЭПа, Ф. Березовский, один из основателей СО, в статье о писателе А. Новоселове цитировал его хвалебный отзыв об эсерах, В. Правдухин в статьях о нарождающейся советской литературе превозносил “стихийность” в революции и искусстве, остро критиковал В. Маяковского. <...> Но главное, что СО отдалялись от “правильной” линии в художественных произведениях, в немалой степени использующих поэтику и образность дореволюционного модернизма, перешедшего в произведения писателей-“попутчиков”» [Яранцев, 2012: 15]. При всей консервативной выдержанности журнала

сегодня такую тенденцию к освещению альтернативных точек зрения можно назвать традицией, если учесть тот факт, что читатели журнала и по сей день могут встретить на страницах «Сибирских огней» самые разные взгляды и оценки: так, один автор издания может с усердием защищать сталинский период истории от попыток назвать систему, выстроенную им, «потогонной» [Дедов, 2000: 19], а другой публицист - озвучивать негативные оценки, называя этот период «сталинским государством» [Папков, 2012: 35].

Возможно, такая разносторонняя политика журнала также обусловлена ее прошлым. В редакции в 1920-х гг. не было единства, как вспоминает В. Яранцев о конфликте одного из основателей «Сибирских огней» Ф. Березовского с редакцией, он отстаивал ориентацию издания на пролетарскую идеологию и литературу, но не был поддержан и покинул журнал в начале 1922 г. из-за разногласий с В. Правдухиным. Далее состав редакции также не раз менялся, как пишет В. Яранцев: «В свою очередь редколлегия подтвердила верность своей платформы, “в основном соответствующей” взглядам Л. Троцкого, уже тогда обозначившего свою оппозиционность. На исходе этой полемики журнал покинули Е. Ярославский и В. Правдухин, вместо которых пришли В. Вегман и В. Зазубрин» [Яранцев, 2012: 14]. Правда, в будущем редакции пришлось заплатить на свою относительную по тем временам, но все же независимость, В. Яранцев вспоминает 1938 год, когда политика издания претерпела значительные изменения: «Вместо репрессированных редакторов пришел безвестный «вр. и. о. ответ. редактора А. Домрачев», а затем чуть более известный (опубликовал, например, материал о В. Куйбышеве) Г. Бузурбаев. Номера журнала были наполнены гневными филиппиками в прозе и стихах в адрес троцкистско-зиновьевских «гадов» и «черных палачей», отравивших А. Горького, популярной сделалась военная тематика, на которую писали сами военные, в отделах прозы и поэзии часто печатались случайные авторы» [Яранцев, 2012: 16].

Действительно, цензурные и другие органы контроля не вмешивались в деятельность издания. В. Яранцев вспоминает очень показательный случай с публикацией в журнале таких известных и всеми признанных сегодня писателей, как В. Астафьев («Кража», рассказы), В. Распутин («Деньги для Марии»), В. Шукшин («Любавины», «Я пришел дать вам волю», рассказы). Однако в момент публикации (конец 60-х – начало 70-х гг.) их известность только набирала подлинную силу и центральные печатные органы довольно резко отреагировали на сам факт публикации этих произведений на страницах «Сибирских огней»: «Этот факт заставил критику сравнить СО с «Новым миром» в 60-е гг.: так же, как в журнале А. Твардовского, в сибирском журнале нашлись свои вольнодумцы, и главным из них был Н. Яновский – автор целого ряда литературных портретов писателей 20-х гг., считавшихся «крамольными». В итоге известный не только в Сибири критик и литературовед, ставший в середине 60-х зам. редактора, был отстранен от должности в СО в 1971 г. В специальном постановлении Обкома КПСС того же года были подвергнуты нещадной критике и другие авторы и произведения СО <...> Показателем «близорукости» самих партфункционеров и сочувствовавших им «рядовых» читателей было осуждение повести В. Распутина «Деньги для Марии» как сосредоточенной на отрицательных явлениях, «мрачноватой» [Яранцев, 2012: 13].

Помимо перечисленного выше комплекса проблем, «Сибирские огни» столкнулись с тенденцией «политизации литературы, которая в 30-е гг. перешла, по сути, под руководство компартии», когда «писатели всех амплуа, особенно критики и публицисты, должны были проводить актуальные лозунги, литература превращалась в газету, репортаж с места событий» [Яранцев, 2012: 14], на партийных конференциях в 1930-х гг. неоднократно поднимались вопросы «перестройке работы журнала», указание на отставание «от жизни, от социалистического строительства в Сибири» [Яранцев, 2012: 14], в 1950 году «идеологизированные критики»

выступили за улучшение работы отдела критики и библиографии в «Сибирских огнях». Редактор журнала тогда писал, что «настоящая критика не может быть без «обобщающих», обзорных статей, с обязательными «политическими выводами», а критик должен быть «партийным публицистом» [Яранцев, 2012: 15]. В 1958 г. «Сибирские огни» перешли на ежемесячный выпуск, а в 60-е гг., как отмечает автор, и вовсе «освободились от диктата соцреалистического единообразия» [Яранцев, 2012: 15]. И это лишь немного, через что пришлось пройти изданию в период с 1922 по 1991 гг.

Стоит еще раз отметить тот факт, что все эти непростые воспоминания издание публикует в современный период – в 2000-е гг. Эти и многие другие факты из прошлого журнала, описанные на страницах «Сибирских огней», оказали значительное влияние на его развитие. Их публикация в наши дни свидетельствует о стремлении редакции проиллюстрировать современному читателю весь тот сложный путь, через который журнал прошел в советские годы, а также о рефлексии журналом своего прошлого как способа утвердиться в настоящем.

Об этом говорит сам тон повествования журнала и содержание статей – многочисленные отсылки к истории, публикация исторических зарисовок современников и целых глав из книг с воспоминаниями о работе «Сибирских огней» в прошлом столетии. Как очень точно отметил В. Яранцев, «после такой “перечислительной” характеристики той мощи, которую набрала сибирская литература в лице СО к середине 80-х, *становится ясно, как много затем она потеряла*» [Яранцев, 2012: 16]. Тот же автор отмечает, что сам журнал вплоть до 1989 года работал с именем и репутацией «старейшего» и лучшего в Сибири, а «публикация в СО сразу шла со «знаком качества» и означала вхождение в «большую» литературу, и не только сибирскую» [Яранцев, 2012: 16]. Именно переживанием об утрате этой самой репутации и желанием ее реконструировать, возможно, и обусловлена

публикация такого числа статей, воспоминаний и документов, связанных с историческим прошлым журнала.

2.4. Реалии Востока России на страницах журнала

«Сибирские огни» в новейший период

В нашей научной работе феномен областничества приобретает особую актуальность в контексте темы регионализма, который был основой этого общественно-политического течения XIX века. Областничество явилось «интеллектуальным течением постколониального типа, типологически тяготевшим к нациестроительству» [Анисимов, Разуvalова, 2014: 79]. Однако в отличие от нации, оно не стремилось к созданию отдельных политических границ и потому оставалось в рамках региона, оно как бы локализовалось в пределах целого, что очень значимо для нашего исследования. Для представителей областничества на первый план выходят культурные силы и интеграция в общее воображаемое пространство Сибири как региона со своей историей. В данной работе регионализм рассматривается как мироощущение и идеология представителя Сибири по отношению к центру страны (представленному симбиотическим дуализмом Москвы и Петербурга), отнимающему значительное количество ресурсов, не только экономических, но и творческих, что заставляет, как покажет анализ статей, актуализировать в сознании современных жителей образ колонии, близкий по значению тому, который используют в своих работах известные представители областничества А.П. Щапов, Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др. Антитеза Центр-регион реализуется скорее в культурном и идеологическом смысле, но не в политическом, как мы уже отметили выше.

Если областничество стало альтернативой радикальным движениям и умонастроениям в 60-е годы XX столетия, которыми увлекалась разночинная интеллигенция, то регионализм можно отнести к форме местного самосознания и способа подчеркнуть свою обособленность или

независимость от Центра, не в территориальном значении, а скорее в экономическом и культурном ключе, как попытка закрыть дефицит принятия решений на местах, который существует сегодня. Для областников вопрос равноправия со столицей как центром имперского пространства был одним из ключевых. Об этом говорят слова идеолога областничества Г.Н. Потанина: «Многообразные нужды Сибири обобщаются одной идеей – уравнением колонии с метрополией во всех областях жизни» [Потанин, 1908: 275]. А.В. Головинов в своей работе отмечает, что Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев видели решение таких проблем, как отмена политической ссылки, строительство железной дороги, развитие образования, уменьшение коренного населения именно в установлении «правильных» взаимоотношений центра и периферии, эта «цементирующая идея», как пишет ученый, является идеологическим ядром областничества [Головинов, 2013: 156]. «Более того, этот центральный постулат идеологии сибирских патриотов выстраивался в теоретический конструкт исключительно из практических и наблюдаемых нужд региона. Практическую сущность областничества как идеологии еще на стадии зарождения движения молодых сибирских патриотов осознавали не только сами будущие лидеры сибирского регионализма, но и все «сочувствующие» сибирской идее» [Головинов, 2013: 156].

Областники планировали разработать подробную программу выхода из так называемого «имперского тупика» [Головинов, 2013: 156]. Образование свободной Сибири, по их мнению, стало бы примером и для других регионов, это существенно увеличило бы шансы на развитие «истинно федеративного государства», как пишет А.В. Головинов. Концепцию сибирского областничества автор называет ориентированной на «гармонизацию локального, национального и регионального пространства России, основанную на идеях автономизма, федерализма и децентрализации» [Головинов, 2013: 159]. Основу идеологии областников составляет «патриотизм как универсальная духовная ценность, образование как способ

передачи традиций и ценностей, а также интеллигенция как главный носитель и ретранслятор политических и культурных ценностей и смыслов». [Головинов, 2013: 159]. Таким образом, представители областного движения, в частности Ядринцев [Ядринцев, 1919], выступали за то, чтобы проявлении свободы личности ориентировалось на поиск идентичности, не выходя за рамки национального ядра. Резюмируя, можно сказать, что регионализм в версии сибирских областников XIX в. идет по пути нациестроительства в вопросах культурной идентичности, но не стремится к созданию новой политической модели, так же как и к сепаратизму. В приоритете у подобной формы самоидентификации находится объединение культурных сил и интеграция в пространство всей страны на неких новых для себя условиях, которые выходят за рамки парадигмы провинция-центр.

В научном сообществе принято рассматривать областничество как проявление философских идей и настроений сибирской разночинной интеллигенции второй половины XIX века. Однако А.В. Головинов, исследуя феномен сибирского областничества, предложил свою трактовку данного течения. Он указывает на политологическую и социально-философскую проблематику, которая ведет к изучению областничества как некой сложившейся идеологии [Головинов, 2013: 155], что приобретает особую актуальность в контексте поиска своей национальной идеи, которое было обозначено в политической повестке дня в новейшее время, в 2000-х годах. Ученый убежден, что идею областничества стоит отнести к идеологиям, чтобы избежать некой доли утопизма в оценке. При этом идеологию он понимает, как комплексный социально-политический феномен, соединяющий духовное и практическое производство [Головинов, 2013: 156].

А.В. Головинов отмечает, что политическая элита не заинтересована учитывать или включать региональные идеологии, даже если в них присутствуют рациональные культурные и экономические интересы, как в случае с областничеством, в свою политическую практику [Головинов, 2013: 155]. Проектируя реальность, идеология не только влияет на ментальные

характеристики человека, но и конструирует и меняет мировоззрение изнутри, оценивая его сквозь собственную призму. [Щербинин, Щербинина, 1996: 7]. Все это, по словам А.В. Головинова, помогает сформировать смыслы и мотивы, влияющие на политическую активность граждан.

Как считает современный исследователь М.А. Аль-Дайни, идеология оказывает влияние и на личностную модель мира и на индивидуальный процесс познания и восприятия социальной и политической реальности [Аль-Дайни, 2012: 22]. В итоге регионализм становится основой идеологии, которая объединяет людей по признаку групповой идентичности.

Областническая идеология способствовала формированию местного самосознания, без которого, как отмечает А.В. Головинов, немислима национально-региональная идентичность. Основатели сибирского регионализма писали: «Областное самоуправление предполагает область; в области есть население, оно пробудилось и начинает осознавать свои интересы, общие в пределах области; это самосознание распространяется только до пределов области и за ее пределы не выходит – за пределами действует самосознание другой области. Лица, в которых пробудилось это самосознание, и есть областники, а если они сорганизуются с целью разрабатывать это самосознание, то это и будет областничество» [Потанин, 2005: 252].

Очень часто потребность в некоей региональной идеологии как в форме социальной идентификации возникает в переломные для страны и общества моменты - в период крушения старых и возникновения новых социальных систем. Так, появлению областничества во многом способствовал период особой гражданской активности на фоне закрытого для дискуссий имперского проекта, доживающего, как выяснилось позднее, свой век, в этом дискурсе потребность в отстаивании сибирских интересов обозначилась наиболее остро. Как пишет, другой исследователь, «регионализм / областничество в любом регионе как раз является позиционирующим явлением, моделирующим региональную идентичность» данной местности

[Зайнутдинов , 2010: 149]. Значимым для нашего исследования является тот факт, что областники положили начало идеологическому конструированию сибирской идентичности, актуальному и в настоящее время. Вместе с описанием региональных особенностей Сибири они выявили ключевые моменты сибирской коллективной идентичности, и помимо местных традиции, культуры и формы поведения, областники выделили особую заданную **положением Сибири между Западом и Востоком** ментальность, и как следствие этого синтез на ее территории множества культур, религий и традиций [Зайнутдинов, 2012]. Эти ключевые элементы региональной идентичности Сибири являются определяющими и в наши дни.

Формы социально-культурной и политической самоидентификации территорий можно описывать на примере разных сфер общественной жизни, но нас будет интересовать именно литература. Мы провели контент-анализ содержания статей журнала «Сибирские огни» за новейший период в поисках идей, умонастроений, которые являются важными при освещении темы Востока России на страницах журнала, а также в поисках примеров описания самобытности региона или обозначения авторами его статуса в масштабах страны. Данные работы можно отнести к публицистике и литературной критике - это авторские жанры журналистики, поэтому идеологическая составляющая здесь наиболее эксплицирована и чаще всего не требует дополнительной интерпретации. Обнаруженные нами примеры демонстрируют целый срез идей и лейтмотивов, который позволяет сделать вывод о «Сибирских огнях» как о целостном конструкте, в основе которого лежит общая направленность проблемно-тематических текстов, а также обусловленная целостностью концепции единая тональность литературно-критических статей. Все это позволяет нам говорить о журнале «Сибирские огни» как некоем едином тексте и динамической творческой системе, вобравших в себя эстетику и проблематику нескольких эпох – от 1920-х гг. до актуальной современности.

Как мы уже заметили выше, региональные особенности Сибири впервые осмыслили и попытались описать представители такого интеллектуального течения как сибирское областничество: Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, А.П. Шапов. Однако их небольшое сообщество не было единственным примером отстаивания региональных интересов в истории Сибири, существуют и более современные нашей эпохе примеры. Так, в статье «Два века - две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» К.В. Анисимов и А.И. Разувалова используют в сравнительном ключе ряд общих для областников и «деревенщиков» признаков и ключевых программных установок, отмеченные учеными Н.В. Серебренниковым [Серебренников, 2004] и Дж. А. Огденом [Огден, 2004], а также выделяют ряд новых признаков. Среди ключевых элементов исследователи называют «литературоцентризм (осознание зависимости идентичности от художественного и публицистического слова), критику экономического колониализма, «географическое конструирование целостности Сибири как макрорегиона в противовес локальному партикуляризму, осознание мифологизма самого образа Сибири, антитеза коренных жителей и «пришлых» и т.д.» [Анисимов, Разувалова, 2014: 76]. Особый интерес ученых вызывает феномен «деревенской прозы», проявившийся гораздо позднее, однако отреагировавший на многие общие с областниками вопросы. Примечательно, что этот феномен рождается, как пишут исследователи, «после репрессивного реформирования советским режимом сибирской интеллигентской среды, подчинения ее целям неоимперского социального эксперимента, а также после периода почти полного интеллектуального молчания сталинских лет» [Анисимов, Разувалова, 2014: 77]. К.В. Анисимов и А.И. Разувалова дополняют перечень с учетом общим мест и различий в вопросах описания параметров этничности, историзма, отношения к науке и государству.

Данные наблюдения становятся значимыми в контексте анализа примеров описания реалий Востока России на страницах «Сибирских огней».

Мы провели контент-анализ журнала за период 2000 по 2017 годы и выделили ряд лейтмотивов и повторяющихся оценок в разных материалах журнала, реагирующих на проблемные области развития сибирского региона, а также поднимающих вопросы региональной самоидентичности. В ходе анализа литературно-критических и публицистических статей мы обнаружили ряд признаков, повторяющихся в материалах разных авторов и попытались их обобщить в контексте идей регионализма, описанных выше.

В предыдущем параграфе «Рефлексия истории как утверждение в современности: прошлое журнала на страницах «Сибирских огней» в 2000-х» мы затронули тему осмысления прошлого как форму позиционирования издания в настоящее время. Анализ содержания статей журнала за этот период показал, что значительная часть современной повестки дня до сих пор посвящена хронике прошлого Сибири и самого издания, а также публикации архивных документов и описанию лучших лет из истории этого толстого литературного журнала. К примеру, один из авторов в своей статье вспоминает празднование пятилетия журнала «Сибирские огни» 21 марта 1927 года в Новосибирске, когда «литературное дело в Сибири было новым, пользовалось любовью и поддержкой народа», и В.Я. Зазубрин в докладе сравнивал журнал с костром в тайге: «Часто в него попадали сырые сучья, сухих щепок было мало. Иногда писатели просто грели у костра руки, иногда дыму было больше, чем огня» [Яранцев, 2012: 47]. В 2017 году журнал отпраздновал свою 95-летнюю годовщину, и современных программных заявлениях издание по-прежнему позиционирует себя перед читателями в качестве общероссийского, представляющего при этом Сибирь и другие регионы. В этом посыле отчетливо слышится желание противопоставить себя Центру на равных правах, отстаивать интересы своего региона, а также указать на проблемные вопросы.

Важным фактором, который позволяет учесть целый ряд таких проблемных моментов, является географический фактор. В одном из материалов автор «Сибирских огней» косвенно затрагивает тему

отдаленности от центра и как одну из причин экономической и культурной отсталости Сибири. Л. Якимова в статье с характерным названием «Мое сибирское богатство», описывая поездку Чехова по Сибири и на Сахалин, отмечает, что в то время существовало целое направление мысли, которое видело корень всех бед в географической отдаленности окраин от центра. Одним из представителей этого течения был и П.Я. Чаадаев; автор цитирует его слова в своей статье: «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет её характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия и истинной причиной нашего умственного бессилия: это факт географический» [Якимова, 2009: 1]. Автор статьи приводит следующие слова Чехова, обращенные к представителям государственной власти в России того времени: «Я думал: да, англичанин эксплуатирует китайцев, сипаев, индусов, но зато даёт им дороги, водопроводы, музеи, христианство, вы тоже эксплуатируете, но что вы даёте?» (9 декабря 1890 г.). Данные выдержки из статьи могли бы показаться частью исторической хроники, удачно приведенной автором, если бы не дальнейшая привязка к сегодняшнему дню, в которой отчетливо звучит указание на актуальность многих вопросов, поднятых Чеховым, и сегодня и также на наличие реальных проблем современного состояния региона: «Поистине, есть над чем задуматься государственным мужам России и сегодня. Прошло более века со времени памятной поездки писателя на Сахалин сквозь всю Сибирь, но с бескомпромиссной прямотой поставленные вопросы нисколько не утратили своей актуальности, новые грани и аспекты которой в атмосфере приближающегося юбилея способны проявиться с обескураживающей болезненной остротой» [Якимова, 2009: 1].

Как показывает анализ статей журнала «Сибирские огни» за 2000-е годы, несмотря на изменившийся с XVII века статус региона, авторы по-прежнему связывают географический фактор с темой колонии. В статье 2012 года на страницах «Сибирских огней» встречаем, прямоком отсылающий нас к книге М. Ядринцева «Сибирь как колония», комментарий автора: «Она (Сибирь. – У.А.) как была до начала XX века колонией, так и теперь остаётся такой же колонией — но только уже не для царских властей, а для нынешних ставленников в Кремле от “Газпрома” или “Русала”. В истории освоения Сибири, как я вижу теперь, был небольшой светлый промежуток времени, связанный с реформами Петра Столыпина — но их оборвали большевики» [Витовцев, 2012: 23]. Автор акцентирует внимание на географической отдаленности Сибири в статье «Пётр Столыпин: «Сибирь как бы призвана сменить европейскую Россию...», посвященной этому известному политическому деятелю: «Премьер-министр России преодолел в составе экспедиции «более 800 вёрст на лошадях в сторону от железной дороги и водного пути». На фоне недавних авиapolётов премьера над горящими лесами под прицелами фото- и видеокамер, его же ныряний за амфорами или комбайн-шоу на пару с президентом, даже сейчас сибирская экспедиция Столыпина выглядит более чем впечатляющей» [Витовцев, 2012: 24]. Публицист не просто иронизирует на тему политических реалий, в сравнительном ключе описывая Сибирь времен Петра Столыпина и наших дней, но и вносит свою оценку исторического пути, который прошел этот регион с петровской эпохи и до «стольпинских реформ». В его словах открыто звучит критика экономического колониализма: «Меньше всего думая о централизации, государственности на московский манер, при которой лучшим людям страны приходилось, как при Петре Первом или Екатерине Второй, оставлять провинцию, главный идеолог реформ 1906–1911 годов утверждал, что переселение лучших людей на Восток «представляет собою начало творческое, деятельное». [Витовцев, 2012: 23]. Н. Витовцев не только сравнивает два этих периода, но как бы предлагает

некую альтернативную политике жесткой государственной централизации программу развития Сибири, при условии соблюдения которой станет возможно и «творческое», и «деятельное» процветания региона, в чем были заинтересованы и о чем говорили задолго до этого еще представители сибирского областного движения: «Слова, которые сказаны российским премьером через шесть лет после войны с Японией, звучат и теперь на редкость современно в условиях, когда идёт обратное движение с Востока, и голоса наших «общечеловеков» о возвращении японцам Курил и юга Сахалина крепчают с каждым годом. В отличие от нынешних «пожарников», озабоченных проблемами «горячих точек», Столыпин смотрел в корень: «мера к укреплению границ одна — заселение малолюдных окраин» [Витовцев, 2012: 24]. Еще более остро звучат слова журналиста Н. Витовцева о перспективах обратного движения с Востока России в Центр и приоритетах государства в пользу исключительного сырьевого использования все новых и новых земель: «Страна планомерно уничтожается, и уже 10-я часть населения — в Москве. Им «невыгодно» развивать страну, им проще довести всё до абсурда, при котором каждый пятый житель России будет москвич, а там и каждый третий... В наши дни, когда малопонятное «правовое государство» сбрасывает с себя год за годом все социальные обязательства, перекладывая их «на уровень регионов», опыт царского правительства во главе с Петром Столыпиным (особенно в освоении Сибири) снова остаётся «лишним» и невостребованным. С расширением Москвы в 2,5 раза кому будет интересен опыт крестьянского переселения на Восток? И как будет развиваться нынешняя Сибирь, когда федеральная власть уходит на дно Арктики в поисках новых запасов газа и нефти?» [Витовцев, 2012: 24].

Тему колониального подхода как источника национальных бед, связанных с освоением окраин на примере Сибири, затрагивают не только авторы публицистических статей журнала, но современные литературные критики «Сибирских огней». Так, в статье «Гибельное золото Джунгарского ханства», посвященной роману А. Родионова «Азь грешный», А. Горшенин,

интерпретируя авторский замысел произведения, добавляет острый комментарий к нему на тему отношений периферии и центра в наши дни: «Итак, в чем же видит автор романа «Азь грешный» главные причины неудач «золотых» походов Бухольца и Бековича? Перво-наперво — в колониально-завоевательской психологии власть имущих (в особенности столичной знати), в их «захребетном» отношении к Сибири и другим российским окраинам. (Колониальный этот подход, следует заметить, не выветрился и по сей день и стал первопричиной многих нынешних национальных бед и проблем). Естественно, что с таких позиций «главной доблестью для них (петровских губернаторов и чиновников — А.Г.) было прибавление земли к державе. Какой народ на той земле, вольно ли он идет под крыло белого царя или покорно приведен, то маловажно. Умножение государева интереса любой ценой — вот главный руководитель действия российских губернаторов. Угодно царю — сделаем!..» [Горшенин, 2000: 12].

При всей серьезности и остроте поднятого вопроса взаимоотношений Центра и периферии, как и в случае с областническим движением, журнал «Сибирские огни» не стремится к сепаратистским настроениям. О том, что на повестке дня сегодня не идет речи об отделении Сибири от России, говорится, в частности, в литературно-критических материалах издания. Данную позицию иллюстрирует и автор литературно-критической статьи о книжной серии «Сибириада» «Сибирь неисчерпаемая» статьи Д. Володихин [Володихин, 2005]. Автор анализирует роман Михаила Щукина «Лихие гости», определяя замысел и главный смысл всего повествования в том, чтобы «развернуть панораму исторической Сибири во всей сложности и разнообразии, познакомить наших современников с тем, чем являлась Сибирь столетие с лишком назад» [Володихин, 2005: 8]. Сюжет книги, пишет автор, строится как экскурсия по Сибири, и его «сила не в лихих приключенческих коленцах (хотя и это есть), а в полнокровном описании старины» [Володихин, 2005: 8]. Однако значимой для нашего исследования является следующая часть критической статьи: «Книга лишена

сепаратистских настроений. Нередко от сибирских деятелей культуры слышишь: «Вы — Россия, а мы — Сибирь», — хотя никакой здоровой основы под такими заявлениями не сыщешь. В книге Михаила Щукина огромный русский мир связан многочисленными нерасторжимыми нитями, и коренные русские земли прочно спаяны с сибирскими областями единством культурным, политическим, экономическим» [Володихин, 2005: 9].

Автор следующей литературно-критической статьи Л. Якимова, анализируя произведения Чехова, написанные в процессе и после поездки в Сибирь, интерпретирует отношение писателя в его литературных трудах к вопросу взаимодействия центра и Сибири как давно вышедшего за рамки колониальной парадигмы: «Вообще следует сказать, что общероссийский субстрат в сибирском тексте Чехова весьма значителен количественно и важен семантически, акцентируя внимание на убеждении, что Сибирь не колония, на чем настаивал, например, известный сибирский публицист Н.М. Ядринцев, а провинция России, и отношения их выстраиваются в связке центра и окраины» [Якимова, 2009: 1]. Хотя некоторые проблемы, связанные с отдаленностью от Центра и недостаточной развитостью инфраструктуры, как отмечает журналист, были и остаются сегодня, несмотря на изменившийся статус региона: «Сибирские дороги и сейчас — предмет национального переживания, стоит ли говорить, насколько драматична была эта проблема в конце XIX века» [Якимова, 2009: 2].

В другой своей статье «Фрегат “Паллада”» как книга о кругосветном путешествии в контексте мотивов круга и таинственного смысла буквы «О» Л. Якимова, рассказывая о кругосветном путешествии писателя И.А. Гончарова подчеркивает, что «в отличие от той же Японии с надвинутым на нее колпаком национальной непроницаемости — Сибирь приятно поразила писателя тем, что была открыта для культурно-экономических преобразований, готова к восприятию цивилизации. Ее колонизация существенным образом отличалась от мировой практики освоения новых земель, была лишена агрессии, исходила из нравственных

начал гуманизма и миролюбия. Русские шли сюда с намерением не покорять, искоренять, завоевывать, а устанавливать живые, плодотворные связи с обитающими здесь народами, и те, в отличие, например, от американских индейцев, ритуально снимавших скальпы с белых завоевателей, не проявляли вражды к русским» [Якимова, 2012: 2]. Публицист сравнивает два знаменитых травелога – очерки Чехова «Из Сибири» и «Фрегат «Палладу» в контексте отражения Сибири и объясняет разницу настроения обоих повествований противоположными друг другу векторами движения: в одном случае – из центра в Сибирь, в другом из Сибири – в центр: «Писатель с нескрываемым удовлетворением отмечает малейшие следы плодотворного освоения-обживания сурового края – зачатки земледелия, дорожного благоустройства, взаимопроникновения культур, складывающихся национальных отношений русских с якутами, тунгусами, чукчами, трудной жизни переселенцев, самоотверженного труда миссионеров. При чтении очерковой книги «Фрегат “Паллада” невольно возникают аналогии с сибирским путешествием А. П. Чехова, его дорожными письмами, очерками “Из Сибири”, “Остров Сахалин”, но нельзя не заметить и разницу в повествовательном колорите, эмоционально-психологической тональности их произведений. Скорее всего, сказалось воздействие путевого вектора: “коннопеший” путь Чехова лежал в направлении к неизвестности, Гончаров возвращался домой, и радость встречи с родиной приглушала тяжесть дорожных злоключений: впереди ждала родная Итака, Петербург!» [Якимова, 2012: 4]. Л. Якимова оценивает «Фрегат “Палладу”» Гончарова как стартовую точку для целого ряда текстов о путешествии по Сибири других писателей и как произведение, успешно вписавшееся в целый массив текстов русской литературы, получивший позже название «сибирский текст»: «Гончаров не преуменьшил значение Сибири для будущего России. От портового местечка Аян, “скромного, маленького уголка России”, где высадилась группа бывших “плавателей” с фрегата “Паллада” и где, кстати сказать, уже успела обосноваться американская фактория, лежал более чем

десятитысячеверстный путь до Санкт-Петербурга, на основе которого Гончаров создаст текст, который послужит прецедентом для последующих многочисленных произведений, посвященных описанию путешествий, поездок, посещений Сибири — Чеховым, Успенским, Короленко, Елпатьевским, Дорошенко и т. д. Постепенно в русской литературе сложится понятие “сибирского текста”, отмеченного столь же неповторимо-выразительными чертами, что и петербургский и московский тексты, и тоже постоянно возвращающего к общечеловеческой памяти об архетипическом образе Одиссея» [Якимова, 2012: 5]. Значимым для нашего исследования является особая мера измерения пространства Земли, которую избирает автор. Здесь Сибирь представлена как один из крайних полюсов не только России, но и целого мира: «По сути дела “Фрегат “Паллада”” — это единственная в своем роде книга с беспрецедентно широким этнологическим охватом земного шара **от кафров до якутов, от африканцев до сибиряков**, отмеченная неподдельным интересом к судьбам разных народов — образу их жизни, мировидению, характеру верований, своеобразию бытового уклада, еды и одежды, их отношений с другими народами» [Якимова, 2012: 5].

Как видим, тема географического местоположения Сибири может быть рассмотрена не только с негативном ключе: в контексте отдаленности, отсталости или неразвитости региона, отсутствию инфраструктуры и экономической независимости, но так же и с положительной точки зрения. К такому позитивистскому подходу можно отнести целый ряд ключевых описательных элементов литературы Сибири, напрямую связанных с территориальным фактором: это и богатство этнографических особенностей, и многообразие местного колорита, оказавшее огромное влияние на развитие литературы края. Пример такого положительного использования особенностей территориального расположения региона можно обнаружить и в самых разных проявлениях, например, изображении масштабов сибирской тайги или, к примеру, в увлекательном травелоге, как у местных авторов. Так или иначе географический фактор обуславливает особенности хронотопа,

лежащего в основе феномена «сибирского текста»: журнал «Сибирские огни» также активно использует особенности географического местоположения Сибири, описывая современные реалии Востока России на своих страницах. Так, тема сибирского хронотопа появляется сразу в нескольких статьях, посвященных описанию ключевых элементов литературы Сибири. Постоянный автор «Сибирских огней» В. Яранцев пишет об этом: «Сказывались и особенности сибирской литературы в целом, где важное место занимает “географический” фактор, стремление понять и отразить мощь природы, ее богатства, осваиваемые человеком. <...> Этим географическо-производственным характером сибирский очерк 30-х гг. и интересен. Кузбасс, Турксиб, Кулунда, Алдан, Сахалин, Камчатка, Чукотка, Ойротия, Горная Шория, многочисленные национальные районы Сибири, Северный морской путь, – такие грандиозные масштабы могут быть только в Сибири, придавая творчеству сибирских писателей особое качество, реализм “особой породы”, суровый, но и эмоциональный, описательно-этнографический, но и образный, с немалой долей мироощущения коренных сибирских народов. Но все-таки именно “коренные” прозаики и поэты дали лучшие образцы сибирского очерка и “производственных” романов и стихов» [Яранцев, 2012: 16].

Особенности местной природы, географического положения и климатических условий занимают значительную часть современной повестки дня в «Сибирских огнях», отчасти оправдывая само название журнала, отчасти помогая подчеркнуть свою уникальность и за счет этого утвердиться в особом статусе среди остальных крупных российских толстых журналов. Стоит отметить, что описания восточных реалий страны на страницах «Сибирских огней» подается часто сквозь призму особого отношения автора к своей малой родине – какому-либо сибирскому месту.

Так, к примеру, автор В. Берязев в своей статье «Моя Ойкумена», описывая природные богатства Сибири, делится своими размышлениями о красоте природного ландшафта и размаха сибирских земель: «А вообще мне

для жизни вполне хватит вотчины радиусом в тысячу верст. Это и есть Сибирь, земля настолько обширная и в то же время разнообразная, что множество уголков ее с озерами, горами, реками и речушками, степями и курганами, болотами и тайгой можно открывать для себя бесконечно» [Берязев, 2000: 26]. Публицист не просто восхищается масштабами родного края, но и использует в описании мифологемы, связанные с историческим прошлым Сибири: «Пространство тайги открывается со стометровой кручи левого берега обского во всем величии и необозримости. Вспоминается пустыня Белозерья, великая Пермь-Биармия, чудские, остяцко-самоедские неземные земли Севера, хладные реки, текущие в сторону ледовитого моря, а на фоне сурового мира сего вспоминается Кирилл Белозерский во главе целого духовного воинства русских святых, и далее явственно – затерянные в глухомани среди языческих стойбищ монастырские кельи, нетленные мощи монахов в дуплах исполинских сосен и кедров, сотни скитов по всему лицу полунощных стран, и молитвы, молитвы, молитвы, порождающие над обителями отшельников световые столпы, в сиянии и крепости своей подпирающие свод небесный» [Берязев, 2000: 25]. Очень показательным и то, что именно этот автор по итогам 2002 года стал лауреатом первой премии МА «Сибирское соглашение» в номинации публицистика – «Сибирь – территория надежд».

Однако при всей лояльности редакции «Сибирских огней» к своему родному региону стоит отметить тот факт, что под Сибирью в журнал понимает всю отдаленную от центра часть России в самом широком своем смысле, обозначенном еще при Петре I как территория от Урала до самых крайних границ Дальнего Востока. На это же указывает комментарий одного из авторов журнала очень точно очертившего географические границы Сибири – от Урала до Тихого океана: «Пожалуй, главнейшая характерная черта «Сибириады» (цикл книг о Сибири. – У.А.): серия подает Сибирь как громадную чашу, разверзшуюся от «Камня» до Тихого океана и в досталь, с горкой наполненную мистикой» [Володихин, 2015: 9].

Примечательно, что в вопросах территориального позиционирования журнал не стремится замыкаться только в рамках сибирского региона и публикует на своих страницах и авторов, живущих вне Сибири. Именно поэтому, к примеру, в литературно-критическом отделе журнала и отделе прозы «Сибирские огни» находят место как автору известного романа «Ёбург» Алексею Иванову, так писательнице из Санкт-Петербурга Елизавете Александровой-Зориной, здесь охотно публикуют и автора из Воронежа Вячеслава Дёгтева, и писателя Игоря Алексева из Саратова – творческая география журнала довольно широка. И это еще раз подчеркивает амбиции издания и стремление выйти за пределы сибирского региона, чтобы занять равные позиции с Центром, в первой главе мы отмечали, что желание заместить собою центр характерно для периферии.

Журнал не просто выходит за пределы Сибири, но и умело использует преимущества опять же своей географической обособленности от центра, на этот раз сравнивая себя по ряду признаков с литературой Европейской части России, причем первенство здесь ожидаемо остается за Сибирью. В пример приведем высказывание автора «Сибирских огней»: «Здесь всякий “реализм” ограничен, ибо Сибирь – как минимум в литературе (о действительности скажут сами сибиряки) – чудеснее коренной Руси. Древле-владимирская земля слишком уж отравлена нервным беспокойным бытом больших городов. Святая древность тут говорит едва слышно, к ней надобно приблизить ухо и внимать сосредоточенно, отрешенно. А над тайгой и древними городами, начинавшимися с казачьих острожков, кажется, тоньше пленка, отделяющая мир физико-химический, наукообъяснимый, от мира сверхъестественных существ. Здесь легче услышать то, что в Европейской России едва различимо за шумом современной цивилизации» [Володихин, 2015: 10].

В этом ключе значимым для нашего исследования представляется статья томского литературоведа и критика А.П. Казаркина, который дает свою оценку современному положению Сибири на литературной карте

страны: «Начнём с уточнения масштаба: сибирская литература – часть русской колонизации Зауралья. Это обживание русским людом Северной Азии, заполнение её культурой, уже более-менее европеизированной. Ведь и до русских жили здесь люди, но знали они только мифы и племенные сказания. Чаще всего величание местных мэтров остаётся памятником областных амбиций. Или уж пренебрежительное: ну, что могло быть интересного в глухой провинции? А речь идёт о творческих претензиях, это важная часть культуры любой области Земли» [Казаркин, 2008: 56].

Ученый отмечает при этом, что дискуссии о литературе Сибири особо не продвинулись с тех пор, как вопросы развития местной литературы поднимались в начале 80-х в редакции «Сибирских огней», и хотя, как отмечает А.П. Казаркин, серьезных результатов она не дала, но тогда же были отмечены кое-какие «“наследственные” пороки», а именно: «мало внимания писатели-сибиряки обращают на наследие аборигенов, их сказания остаются почти невостребованными; слабейшим звеном сибирской литературы остаётся критика. В самом деле, региональное литературное самосознание не на должной высоте. В сообщениях областных писательских организаций о себе царят бездумные реляции: нас, мол, «около сорока профессионалов». Но дело не в массе-количестве, а в качестве продукции. Писатели должны, наверно, задавать тревожные вопросы самим себе, чиновникам и прессе. Почему это в «Сибирских Афинах», имеющих факультет журналистики, такая слабая пресса? И чем же город может прославиться, если не наукой и культурой?» [Казаркин, 2008: 56]. Автор публикует важную ремарку, которая достаточно точно описывает положение Сибири на оси центр – периферия и позволяет увидеть показательный срез современного состояния региональной литературы, выделить ряд наиболее характерных для нее признаков в наши дни: «Но потрясенные эпохой кризиса сибиряки пытаются осознать себя другой, немосковской, культурой, не потребляющей, а “кормящей”, то есть морально здоровой, сопротивляющейся ограблению и обезличиванию региона. Да, литература

Сибири переживает в последнее время кризис. Но тем актуальнее проблема сибирской литературной школы. При всех поворотах истории сибиряки должны остаться сибиряками, самими собой. Разрядится ли кризис новым литературным всплеском? Это зависит и от мирового масштаба (от глобализации), и от региональной самобытности. Выравнивание на единые стандарты опасно для живой культуры, пожалуй, это самая серьезная опасность наступившего века» [Казаркин, 2008: 56].

Рассуждения о спасительной для региональной самобытности роли сибирской литературы перед вызовами процессов глобализации, которые происходят сегодня по всему миру, делают программу «Сибирский огонь», выбранную ими еще в начале XX века, более выигрышной в этом ракурсе по сравнению со столичным пространством и Европейской частью России. При этом сам А.П. Казаркин считает необходимым выделять два основных полюса на литературной карте страны и не уходить при этом в освещение или создание только литературы своего края, о похожей угрозе для литературных процессов современной провинции упоминал в своем интервью А. Иванов: об опасности углубиться в другую крайность – краеведение: «Строго говоря, – продолжает А.П. Казаркин, – рассуждать исторически можно только о **национальном и общесибирском процессах**: искусство не терпит ранжировки по областям. Бросается в глаза разрушение общесибирского самосознания. Сейчас это ключевая тема: часть замещает целое. Иркутяне, омичи и красноярцы – все пишут только о “своих”. Уже изданы книги по истории и литературе Кузбасса, Алтая, Тюменской области – вне связи с большой Сибирью. Нужна серьезная критика, а она всегда была слабым местом сибирской литературы. Ведь почти половину областных журналов занимают стихи, но анализа новой сибирской поэзии не было и нет. Сколько за послевоенное время было художественных открытий и каков процент эпигонской продукции?» [Там же: 56]. И здесь справедливо звучит отсылка к областническому движению, идеи которого актуальны и сегодня: «В начале нового столетия нужно заново обсуждать проблему, поставленную

ещё областниками: возможна ли сибирская литературная школа. <...> Ведь теперь потанинский завет отменять некому: большевики ушли, а традиции, предпосылки серьезной литературы – остались» [Там же: 56]. Исследователь однако не оставляет надежду на возрождение творческого потенциала регионов и роста их значения для современного литературного поля, отводя в этом процессе важную роль в том числе и сибирской литературе, нужно лишь, как пишет автор, «волевое самоопределение» [Там же: 56].

Показательно, что современный исследователь закрепляет за Сибирью важную функцию сохранения и воспроизведения региональной самобытности в культуре в целом и, в частности, в литературе. Подобной идеи придерживается и редакция «Сибирских огней», не случайно в отрывке, приведенном выше, автор описал пример дискуссий, организованных этим изданием в поисках дальнейшего пути развития всей литературы Сибири.

На страницах «Сибирских огней» новейшего периода активно поднимаются вопросы определения самого феномена сибирской литературы. Анализ статей журнала в новейший период показал, что по-прежнему актуальной остается проблема экспликации тех самых элементов, которые позволяют отнести определенный пласт русской литературы к литературе Сибири. Так, публицисты ставят перед собой непростую цель – решить стоит ли причислять к данному творческому массиву авторов, писавший о Сибири, но не живущих здесь, и если так, то в чем именно заключаются ключевые элементы сибирской литературы и какие характерные черты выделяет ее, как выразился В. Яранцев, среди остального «обозреваемого пласта **русско-сибирской прозы**» [Яранцев, 2000: 16]. Такая острота поставленных вопросов вполне объяснима, не случайно журнал с самого момента своего образования претендует на роль центра «литературно-научных сил» всей Сибири, а также «одной из самых мощных баз российской литературы», от лица которой с читателями бы «говорила вся необъятная и разноликая Сибирь» [Горшенин, 1997]. Поддержать подобный статус – непростая задача, возможно, поэтому особе место в журнале занимает рефлексия

литературного опыта региона, а также литературоведческие статьи, анализирующие современные явления сибирской прозы и поэзии. Так, в публикации с говорящим названием «Литература Сибири или сибирская литература?» В. Яранцев пишет о «внешней» и «внутренней» точках зрения как о разных способах освещения пространства Сибири и соответственно, два разных нарратива в литературе [Яранцев, 2013: 6]. Внешней он называет точку зрения путешественника, ссыльного, «любого не-сибиряка, смотрящего на Сибирь как на нечто экзотическое, внешнее, подмечающего только «диковинки», а «внутреннюю» точку зрения демонстрирует сам сибиряк, постоянно живущего в Сибири [Яранцев, 2013: 7]. С последней автор связывает «почвенно-территориально, общественно-политически и психологически (впечатления, особенно детские, «инстинкты» – неосознанное переживание своей связи с краем). Или – авторские установки «outside» и «inside» [Яранцев, 2013: 7]. «Обе точки зрения – пишет В. Яранцев, – в середине 1920-х гг. уже ощущались принадлежащими истории сибирской литературы». Автор приводит в пример высказывание члена литературной группы «Молодая Сибирь» И. Гольдберга о том, что «надо писать «без пропаганды и дидактики», найдя меру «о» и «для» Сибири, чтобы не стать жертвой той или иной идеологии» [Яранцев, 2013: 7]. Исследователь замечает, что очень скоро стало ясно, что «жесткая идеологическая установка только на «внутреннюю», областническую точку зрения, ведущую к тенденциозности в художественном творчестве и изоляционизму в общественно-политическом аспекте, вряд ли являлась хорошим стимулом для развития литературы и литературного процесса в Сибири» [Яранцев, 2013: 8]. В. Яранцев приходит к выводу о том, что наиболее полноценным способом описания литературы Сибири может стать альтернативный вариант, когда обе точки зрения соприкасаются и создают условия, в которых и рождается сибирская литература: «Наиболее продуктивным было объединение обеих точек зрения, то, что И. Гольдберг назвал «писать по-сибирски», т. е. не только «о» или «для» Сибири, а

свободно, в соответствии со своим ощущением Сибири, без кем-то продиктованного противопоставления обеих точек зрения. Так произошло с многотомным романом Г. Гребенщикова «Чураевы», в 1-м же томе которого уже не было «областной» антитезы «Сибирь – Центр», а «сибирская локальность пыталась открыться миру, влиться в него», – пишет современный сибиревед К. Анисимов» [Яранцев, 2013: 10]. Значимой для нашего исследования представляется рефлексия советского опыта объединения в одном произведении, с одной стороны, идеологии, а с другой, описания отличительного сибирского нарратива: «Опыт последующих поколений советских романистов середины XX в. убеждает, что только на этом пути можно было достичь творческих удач, сделав коммунистическую идеологию только «внешней» точкой зрения, «outside» по отношению к основной, «inside», неизменной во все эпохи и времена, – «внутренней», но без «внешней» все же однобокой, одномерной» [Яранцев, 2013: 8]. В качестве одного из таких примеров автор приводит творческий путь А. Иванова: «Менее пристрастное прочтение, на фоне истории сибирской литературы, убеждает, что романы лучших писателей советской эпохи, в том числе и А. Иванова, принимали советскую идеологию как “внешнюю” точку зрения, по крайней мере, как не-сибирский, отстраненный взгляд на сибирский материал, хотя попытки сделать такую точку зрения «родной», сибирской, попытки честные, искренние, несомненно, были. Но, как правило, согласно художественной логике произведения, такая точка зрения выполняла сюжетную роль» [Яранцев, 2013: 10]. Примечательно, что В. Яранцев, цитируя другого сибирского исследователя А. Казаркина, отделяет «ложные» советские эпопеи от истинных. Хотя первые и обладают с виду целым рядом очевидных признаков «областного романа» и имеют под собой явно «сибирскую почву» [Яранцев, 2013: 10], однако настоящими не являются, и потому А. Казаркин относит их к «советским ложным эпопеям», героизирующим не консолидацию народа, а братоубийство и геноцид,

«освобождение от национальной идентичности», пафос «покорения природы» [Яранцев, 2013: 9].

Значимым для нашего исследования представляется перечисление целого ряда признаков подлинного сибирского романа-эпопеи, выделенных автором «Сибирских огней»: к таковым автор относит «вековую нравственность», «самобытные характеры», но не замыкающиеся на своей «локальности», это и «поиск смысла жизни, «распахнутость» миру». По мере анализа конкретных произведений писателей-сибиряков В. Яранцев расширяет свой список. Так, ключевыми элементами на этот раз литературы Сибири в целом, по мнению публициста, являются: «яркая языковая ткань публикации с большим количеством **областных сибирских речений**», «самый настоящий, исконный **сибирский реализм с его необузданной стихийностью**», «**многожанровость сибирской прозы**», объединение «романтизма и этнографизма». «Так, – пишет В. Яранцев, – в «Чураевых» Г. Гребенщикова можно найти элементы романа-хроники, семейного романа, романа воспитания, философского романа и даже романа-мистерии» [Яранцев, 2013: 12]. В пример автор приводит произведения сибирских писателей: «Угрюм-река» В. Шишкова, «Историческом обозрении Сибири» П. Словцова, работы автора «первого сибирского романа» И. Калашникова и других. Автор предлагает сочетать в сибирской литературе «не только «внешнее» (экзотизм) и «внутреннее» (областничество), «литературу о Сибири» и «сибирскую литературу», но и разные жанры и стили» [Яранцев, 2013: 11]. «Единое повествование с ярко выраженным авторским голосом и лирическими отступлениями в стиле и жанре эссе, и синтез разнообразных знаний (географических, этнографических, исторических, о животном и растительном мире) на уровне синкретическом, «радуга» жанров» – именно эти характерные черты, по мнению В. Яранцева, и составляют в итоге основу жанра «**сибирской эпопеи**», предпосылки создания которой видны еще до возникновения областничества. Сибирская эпопея как жанр, по словам

автора, создана для «широчайшего размаха изображения» и «глубинного исследования Сибири, ее недр, истории, ее людей» [Яранцев, 2013: 12].

В другой литературно-критической статье «Сибирь неисчерпаемая» автор Д. Володихин, рассуждает на тему того, что такое «единое «сибирское время» [Володихин, 2005: 6]. Материал посвящен книжной серии «Сибириада», как пишет Д. Володихин, «одной из самых долгоживущих серий в России», включающих в себя более сотни произведений местных авторов [Володихин, 2005: 6]. Публициста интересует единство совершенно разных по своему жанру и авторскому стилю современных произведений сибирских писателей, своей статьей автор стремится ответить на вопрос – что именно их всех объединяет: «Казалось бы, что может создать из такого многообразия единство? А ведь единство есть, оно чувствуется. Интуиция схватывает его, только разум не сразу формулирует его суть и границы. Неужели только сибирский «антураж»? То есть хоть бы что, лишь бы за Уралом? Или, может быть, важно то, что большинство авторов – сибиряки и им присущ какой-то один особый творческий стиль, какая-то объединяющая литературу Сибири стилистическая манера? Как может контекст Сибири влиять на сюжет и становиться полноправным действующим лицом в романе? Перед сильнейшими авторами «Сибириады» подобный вопрос не стоит: собственно, у них это получается само собой, естественно и органично. Во всяком случае, самые удачные романы серии создают именно такое впечатление» [Володихин, 2005: 8].

Однако Д. Володихин не ограничивается только фиксацией подобного единства, а идет дальше и объясняет причины связи между авторами «Сибириады» не только тем, что Сибирь здесь становится главным героем, но наличием единого времени и мистической составляющей, которыми писатели наделяют это пространство: «Единство тут выстраивается сложнее. Вот его элементы: единство протяженного **«сибирского времени»** от Ермака до наших дней, **мистическая наполненность сибирских пространств** и еще, пожалуй, умение писателя **сделать сибирский контекст**

полноправным героем повествования — так, чтобы Сибирь не просто уходила вдаль из-под саночных полозьев, а дышала в лицо всякому персонажу и читателю, разговаривала с ними, властно поворачивала сюжет: вот убери Сибирь – и сюжет не срастется, потеряет смысл и связность! С одной стороны, категория неуловимо-зыбкая, с другой – совершенно ясная для тех, кто пребывает внутри нее. Она столь же невыразима и столь же пронзительно понятна, как любовь» [Володихин, 2005: 7]. Критик «Сибирских огней» отмечает непрерывность сибирского хронотопа в контексте истории: «Литература Сибири дарит стойкое ощущение: то, что начиналось при Ермаке, по сию пору не закончилось. Огромное, многовековое действие представляет собой непрерывную единую драму, притом драму какую-то оптимистическую, лишенную языческого фатализма, наполненную светом, льющим из будущего. Всякий связный и отдельный отрезок судьбы Сибири — акт в этой драме, не имеющий смысла без предыдущих и последующих актов. Всякий сюжет, развивавшийся, но не оконченный сто, двести, пятьсот лет назад, – подобен шахматной партии, доведенной до миттельшпиля и брошенной, но фигуры по-прежнему стоят на доске; всегда можно вернуться и доиграть партию» [Володихин, 2005: 8]. В пример автор приводит романы Дмитрия Федотова «Огненный глаз Тенгри» и «Хозяин урмана», в котором современные журналисты, геологи и олигарх разгадывают тайну сверхъестественных явлений из XVIII века, роман Михаила Щукина «Ямщина» о сибирском варианте русской цивилизации, а также произведение Натальи Иртениной в «Царь-гора» об альтернативной истории убийства последнего царя Николая II и развитии судьбы нашей страны после него. Автор резюмирует: «Такова логика **единого «сибирского времени»**: что завязалось давным-давно, развяжется здесь же, на великих равнинах, в темных урманах и раскольничьих скитах, на волнах студеного моря. Через век, два, может быть, через три, но когда-нибудь – обязательно развяжется. Логика сибирской литературы, лучшей ее части, ведет к

осознанию **прерывистого, дискретного единства в громадном хронологическом потоке «Сибирь»** [Володихин, 2005: 10].

Если говорить не только об особом времени, связывающем литературу Сибири в одно целое, как справедливо заметил автор «Сибирских огней», то стоит упомянуть и о процессе конструирования особого мифа о Сибири, вытекающего из особенностей хронотопа. Процесс этот имеет длительный исторический характер, о котором мы коротко упоминали в первой главе нашей работы, однако нас будет интересовать осознание мифологизма образа Сибири на страницах «Сибирских огней» в новейший период.

Анализ журнала как единого текста показал, что современные критики и публицисты часто рассматривают Сибирь в антитезе к остальной России как пространство открывающее перед человеком больше возможностей. Место, где, как точно подметил автор «Сибирских огней», силы «естественно-природного течения бытия» [Якимова, 2009: 3], инициируемых самой Сибирью, создают условия для мощного духовного перерождения, и, как следствие, обретения подлинного смысла человеческой жизни. В этом ключе примечательно высказывание постоянного автора «Сибирских огней» Л. Якимовой о том, что «люди, осваивая далекий край, исходят из архетипического сознания жизни по Божьей воле и воспринимают сибирский топос как равнозначный их собственной природе, их собственной воле к жизни. [Якимова, 2009: 3]. На страницах «Сибирских огней» авторы даже выделают особый тип сибирского человека – «сибиряка». Так, А. Горшенин в статье «Гибельное золото Джунгарского ханства», описывая Сибирь времен Петра I, отмечает: «на исторической сцене все увереннее заявлял о себе народ Сибири, **тот особенный человеческий тип, порожденный экстремальными природными, климатическими, социальными, бытовыми условиями, который получит название «сибиряк»** [Горшенин, 2000: 17]. Один из героев романа «Азь грешный», который разбирает критик, – Семен Ремезов подчеркивает особенность сибиряка и задает общий

оптимистический настрой всему произведению: **«всем бедам назло сибирский характер поможет выстоять»** [Горшенин, 2000: 18].

О том, что в национальном сознании образ Сибири мифологизировался и стал неким «хронотопическим образом определенного способа присутствия человека в мире» писал еще Тюпа [Тюпа, 2009: 53], но если рассматривать «Сибирские огни», в новейший период, то примечательно то, насколько устойчивым оказывается данный культурный код или архетип в сознании уже современных авторов журнала: публицистов и литературных критиков. Так, отмечая позитивное влияние Сибири на Чехова, Л. Якимова упоминает в своей статье и про обратное семантическое значение данного мифологического пространства: «Однако силе духовного обновления и преображения, связанного с воздействием Сибири, Чехов изначально придавал такое значение, что не исключало **факторов Гибели, Смерти, Конца**» [Якимова, 2009: 4]. Однако автор все же вносит точность, что это восприятие связано не только с особыми «приближенными к экстремальным» условиями, но также и с незаселенностью территории: «Сибирское пространство видится писателю не как холодная пустыня, дикое поле, а в трудном, неизбывном процессе обживания – вочеловечения. Ему становится тоскливо, когда он видит сибирскую природу не одухотворенной присутствием человека» [Якимова, 2009: 5].

Однако если говорить о Сибири как некоем мифологическом пространстве и его описании авторами на страницах «Сибирских огней», то преобладают здесь положительные характеристики. По мнению одного из авторов «Сибирских огней», Сибирь дает писателю особую силу «художнического взгляда на открывающуюся в **обстоятельствах, близких к экстремальным, действительность**» и эта сила способна приблизить его «к видению истинного образа земного бытия как такового» [Якимова, 2009: 6]. Данную философскую концепцию ярко иллюстрирует подробный анализ на страницах журнала нарративов и авторских идей в произведениях писателей, живших или побывавших в Сибири, авторов травелогов и романов о Сибири.

В «Сибирских огнях» освещению этой темы посвящен целый ряд литературно-критических статей авторства Л. Якимовой, где осмыслиется творчество таких писателей как И.А. Гончаров, А.П. Чехов, Д.М. Мамин-Сибиряк. Все эти публикации написаны в новейший период и несут в себе множество значимой для нашего исследования информации.

Проводя сравнительный анализ творчества двух знаменитых российских писателей в статье «Чехов и Мамин-Сибиряк: точки пересечения» литературовед Л. Якимова отмечает общее: «чеховское видение сибирского человека, которому жизнь открывается необходимостью **самостоянья перед тайнами мироздания**, которому в Мире не на кого положиться, кроме как на себя, глубоко родственно Мамину-Сибиряку» [Якимова, 2010: 34]. В своем анализе творческого пути писателя Л. Якимова заостряет внимание читателя на том, как именно характеризует Мамин-Сибиряк свою родину – Сибирь на фоне жизни во всей остальной России: «Глубоко симптоматично, что осмысление **“положительной стороны” русской жизни** Мамин-Сибиряк **связывает именно с Сибирью** и что программное произведение его оказывается самым “сибирским” по своему повествовательному колориту» [Якимова, 2010: 34]. В другой литературоведческой статье на этот раз про Чехова Л. Якимова также отмечает особое положительное влияние хронотопа Сибири на мировосприятие самого писателя: «Именно в фокусе такого мощного хронотопа выявляется экзистенциальная природа чеховского героя, способного или бессильного своим волением воспринять таинство жизни, ощутить ее как высший дар бытия. Именно в таком объемном хронотопе находит опору чеховский оптимизм» [Якимова, 2009: 8].

Здесь можно вспомнить работу К.В. Анисимова [Анисимов, 2007], в которой хронотопический образ Сибири в русской литературе рассмотрен автором с положительной стороны, как способствующий оживлению литературного героя, обретению им условного рая. На страницах «Сибирских огней» также можно обнаружить подобные идеи и оценки, отсылающие нас

напрямую к мифологеме некой спасительной земли, социальной утопии в лице Сибири. В одной из таких работ литературовед Л. Якимов, анализируя творческий путь Чехова пишет о том, что именно эти «дальние рубежи России» помогают писателю преодолеть «опасность духовно-душевного торможения, творческой приостановки», которую тот, по словам автора, ощутил в момент в момент успешного продвижения по литературной стезе [Якимов, 2010: 35]. «Чехов захотел получить **мощную подпитку новыми впечатлениями, а в стремлении укрепиться в бытийственных началах жизни, ощутить живые токи естественно-природного течения бытия, и именно на этих высших уровнях философии жизни, общей мысли о мире и человеке в нем, с особенной силой инициируемых Сибирью, значимо обнаруживалась глубина творческой смычки двух выдающихся литераторов эпохи**» [Якимов, 2010: 35]. Так, из путешествия по Сибири Чехов, по словам Л. Якимовой, возвращается «**духовно обновленным преодоленными преградами к цели и вдохновенный победительным испытанием своих сил Сибирью**» [Якимов, 2009: 9]. «В Сибири Чехов столкнулся с самым первоисходным началом человеческой природы – волей к жизни, измеряемой силой живого, непосредственного противостояния неохватному пространству, **суровому климату, природным стихиям** и отменяющей заранее придуманные и свыше предписанные правила поведения, исходящие из абстрактных теорий объяснения жизни». [Якимов, 2009: 9]. И действительно, как мы знаем из очерков, преодолевать сибирские дороги порой приходилось, как пишет литературовед, под «необычайный аккомпанемент всех природных стихий сразу: грома, снега, шквалистого ветра, нагонявшего волны, способные поглотить узкую лодку с пловцами и почтовой поклажей» [Якимов, 2009: 7]. Особенности природно-климатических условий в том числе оказали большое влияние на восприятие Сибири как сурового края и стали частью мифологического пространства Сибири. Своих героев Чехов также испытывает, помещая их в «**ситуацию чистой экзистенции, а именно «процесс самоодоления»**» [Якимов, 2009:

8]. Здесь очевидно прослеживается замысел чеховского травелога, его экзистенциальный характер взгляда на человека в очерках «Из Сибири», который по мнению Л. Якимовой задан зачином:

– Отчего у вас в Сибири холодно?

– Богу так угодно! — отвечает возница. [Якимова, 2009: 4]

Резюмируя, автор еще раз подчеркивает онтологический характер чеховского травелога, и силу воздействия пространства Сибири на человека: «Сибирь постоянно возвращает Чехова к общим проблемам природы человека и смысла жизни, поверяя и обогащая его личную антропологию. Чеховская антропология неотделима от веры в первичность **естественного образа действий**, имманентную силу человеческого характера, неразрывность «физически-душевно-духовных» качеств человека, его волевою способность контактировать **с любыми условиями среды** <...> Сибирью Чехов отвечал на вопросы онтологической значимости, восходящие к его представлениям о высших ценностях жизни, и главной в их числе оказалась человеческая **способность к самостоянью** [Якимова, 2009: 7]. И все-таки самым ценным в чеховском нарративе автор называет осознание «органической нерушимости связи центра и окраин», а также «признания ценности человеческой жизни в любом социальном состоянии, поиска смысла каждой отдельной жизни внутри ее самой и еще много-много другого» [Якимова, 2009: 7].

Как можно заключить из приведённого выше анализа, пространственно-территориальная компонента мировосприятия Сибири и осознание мифологизма самого образа территории занимает довольно большой пласт всей повестки дня в «Сибирских огней» и объединяет на первый взгляд разрозненные материалы в единый текст, конструирующий на страницах журнала образ географической целостности Сибири как макрорегиона, что крайне сближает позицию издания с идеологией сибирского областного движения начала XX века, а так же с авторскими установками писателей «деревенской прозы», о которых мы упоминали в

начале параграфа. Также стоит отметить, что собственную региональную идентичность журнал «Сибирские огни» формирует за счет рефлексии литературного опыта региона, анализа современных явлений сибирской прозы и поэзии, а также закрепления за собой такой важной функции как сохранение и воспроизведение региональной самобытности в литературе и в культуре в целом.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В результате контент-анализа журнала «Сибирские огни» с 2000 по 2017 гг. мы выделили ряд лейтмотивов в публицистических и литературно-критических статьях журнала, реагирующих на проблемные области развития сибирского региона и поднимающих вопросы региональной самоидентичности. Мы обнаружили ряд признаков, повторяющихся в материалах разных авторов и рассмотрели их в контексте идей регионализма.

Анализ содержания статей показал, что значительная часть современной повестки дня до сих пор посвящена хронике прошлого Сибири, а также публикации архивных документов и описанию лучших лет «жизни» самого журнала. Отсюда можно сделать вывод о том, что рефлексия собственной истории помогает изданию позиционировать себя и реконструировать прежние позиции уже в современности.

Что касается описаний реалий Востока на страницах «Сибирских огней», то здесь мы обнаружили значительное сходство с идеями областного движения, а также активное использование авторами архетипов о Сибири как семиотически сконструированном пространстве. Так, значительная часть материалов посвящена теме Сибири в разных проявлениях: от анализа особенностей сибирской литературы до критики экономического колониализма. Среди прочего современную повестку дня формирует описание особенностей местной природы, географического положения и климатических условий, отчасти оправдывая само название журнала, отчасти помогая подчеркнуть свою уникальность и утвердиться в особом статусе среди остальных крупных российских толстых журналов.

Стоит отметить, что описания восточных реалий страны на страницах «Сибирских огней» подается часто сквозь призму особого отношения автора к своей малой родине. Однако при всей лояльности редакции к родному региону под Сибирью журнал понимает всю отдаленную от центра часть

России в самом широком своем смысле, обозначенном еще при Петре I как территория от Урала до самых крайних границ Дальнего Востока.

Тема географического местоположения Сибири рассматривается здесь также с разных сторон: как в контексте отдаленности, отсталости или неразвитости региона, так и с положительной точки зрения. Сюда можно отнести целый ряд ключевых описательных элементов литературы Сибири, напрямую связанных с территориальным фактором: это и богатство этнографических особенностей, и многообразие местного колорита. Более того Сибирь в журнале часто характеризуют как место, где силы «естественно-природного течения бытия» способствуют духовному перерождению и обретению подлинного смысла жизни [Якимова, 2009: 3]. На страницах «Сибирских огней» авторы даже выделяют особый тип сибирского человека – «сибиряка».

Что крайне значимо, в журнале активно поднимаются вопросы определения и самого феномена сибирской литературы. По-прежнему актуальной и обсуждаемой остается проблема экспликации элементов, которые позволят отнести определенный пласт общерусской литературы к литературе Сибири.

Как можно заключить из приведённого выше анализа, пространственно-территориальная компонента мировосприятия Сибири и осознание мифологизма самого образа территории занимает большой пласт всей повестки дня в «Сибирских огней» и объединяет на первый взгляд разрозненные материалы в единый текст, конструирующий на страницах журнала образ географической целостности Сибири как макрорегиона, что крайне сближает позицию издания с идеологией сибирского областного движения начала XX века, а так же с авторскими установками писателей «деревенской прозы», о которых мы упоминали в начале главы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сформулированный во Введении метод анализа, заключающийся в изучении цикла и циклизации, ансамблевости разрозненных (на первый взгляд) словесно-литературных целостностей, позволил нам сделать вывод о региональной составляющей журнала «Сибирские огни» в XXI веке, а так же исследовать его в качестве единого текста.

В данной научной работе мы изучили исторический контекст образования «Сибирских огней» и его трансформацию в XX столетии; выделили обусловленные историко-культурным прошлым журнала установки, содержащиеся в современных публицистических статьях; изучили структуру и редакционную политику «Сибирских огней» на современном этапе развития журнала; выявили метатекстовые аспекты и выделили самопрезентационные установки журнала; обнаружили и проанализировали круг связанных с региональным самосознанием лейтмотивов, пронизывающих разные тексты журнала «Сибирские огни»; отдельно проанализировали наиболее репрезентативные из них в избранном аспекте.

В ходе изучения антитезы центр-периферия в русском (гео)культурном пространстве конца XX – начала XXI мы сделали вывод о том, было бы неточным определять пространство Сибири только в парадигме «Провинция-Центр», скорее следует говорить о семиотическом пространстве, наделенном особыми характеристиками и стремящемся усилить и активизировать свои позиции относительно центра. Организации такого семиотического пространства во многом способствует поиск своей идентичности при создании локальной литературы и местных периодических изданий. Далее мы рассмотрели в этом ключе феномен современного провинциального журнала в Сибири как способа репрезентации региональной идентичности.

В рамках нашего исследования мы затронули различные аспекты развития «локального» литературного журнала «Сибирские огни» в

новейший период, в том числе его функцию провинциального литературного журнала как рефлексии собственной территориальной идентичности.

Изучив исторический аспект деятельности журнала «Сибирские огни», мы пришли к выводу о том, что с момента своего образования журнал оказался между двух огней: желанием «продвигать» идею региона – важного символического ресурса, продуманное использование которого сначала казалось вполне допустимым, и в то же время неуклонно следовать постоянно меняющимся установкам коммунистической партии, что в действительности оказалось крайне непросто. Подобная трансформация идей, на которую указывает в своем исследовании А. Разуvalова [Разуvalова, 2015: 78], оказала большое влияние и на современный образ журнала «Сибирские огни».

Журнал «Сибирские огни» один из старейших толстых литературных журналов в России дошедших до наших дней. В 2017 году ему исполнилось 95 лет. Поэтому неудивительно, что одной из главных тем в нем и по сей день остается осмысление своего прошлого. Для нашего исследования мы выбрали публицистические и литературно-критические статьи журнала «Сибирские огни» за 2000-2017 гг. с целью обнаружить и описать, какие именно темы и сюжеты, посвященные жизни издания в советский период, поднимались на страницах журнала уже в новое время и ответить на вопрос, чем вызвана эта тенденция.

Примечательно, что, описывая современную программу «Сибирских огней», редактор М. Щукин акцентирует внимание на следующих задачах: «Наряду с сохранением и изучением нашей богатейшей вековой истории, журнал основной своей целью ставит открытие новых имён в многонациональной российской литературе» [Щукин, 2013].

В этом отношении для формулирования выводов показательной является и другая оценка, касающаяся контента издания за разные годы его «жизни»: «Несмотря на то, что журнал стал своеобразной историко-культурной и литературной летописью края от древнейших времен и до

наших дней, он *не замыкался в территориальных, областнических рамках*. Поэтому нередко появлялись публикации о явлениях *общероссийского* и даже мирового масштаба» [Горшенин, 1997].

Во время изучения материалов мы обнаружили множество отсылок к истории «Сибирских огней», которые остаются актуальными для издания по сей день. Среди них особое место занимают статьи, которые связаны прежде всего с воспоминаниями о советском периоде работы издания с 1922 по 1991 гг. в интерпретации современных авторов, а также публикации архивных документов, отсылающие нас к истории журнала. В пример можем привести опубликованное в февральском номере «Сибирских огней» от 2016 года письмо-обращение молодых литераторов к секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Роберту Эйхе с набором творческих предложений, жалоб и личных просьб, написанного в далеком 1933 году. Стоит еще раз отметить, что все эти непростые воспоминания издание публикует в современный период – в 2000-е гг., что может свидетельствовать о стремлении редакции проиллюстрировать современному читателю весь тот сложный путь, который журнал прошел в советские годы, а также о рефлексии самим журналом своего прошлого как способа утвердиться в настоящем.

Расцвет деятельности журнала пришелся на советские годы. Об этом свидетельствует и тираж издания, который в 1975–1987 годы он достигал 125 тыс. экземпляров, и сегодня составляет всего 1500 экземпляров. Очевидно, что именно переживанием об утрате этой репутации одного из сильнейших российских «толстых» журналов и желанием ее реконструировать и обусловлена публикация такого числа статей, воспоминаний и документов, связанных с историческим прошлым «Сибирских огней» на его страницах. Как очень точно отметил В. Яранцев, «после такой “перечислительной” характеристики той мощи, которую набрала сибирская литература в лице СО к середине 80-х, *становится ясно, как много затем она потеряла*» [Яранцев, 2012: 14]. Тот же автор отмечает, что сам журнал вплоть до 1989 г. работал с именем и репутацией «старейшего» и лучшего в Сибири, а «публикация в СО

сразу шла со «знаком качества» и означала вхождение в «большую» литературу, и не только сибирскую» [Яранцев, 2012: 16].

В ходе исследования мы также проанализировали современные программные установки редакционных текстов на сайте «Сибирские огни». Это позволило нам сделать вывод об одновременном сосуществовании двух различных самоидентификационных установок издания. Одна из них предполагает сосредоточенность на «сибирском тексте и подчеркивает региональную установку журнала «Сибирские огни». Другая же, напротив, направлена на «размыкание» границ региона, и здесь журнал позиционирует себя как потенциальную площадку для авторов со всей страны, а так же учитывает в своей повестке не только сибирские, но общероссийские темы, публикуя критику на литературные тексты со всей России, в том числе, и на произведения столичных авторов. Из этого следует вывод о том, что «Сибирские огни» как «локальное» издание не замыкается только в рамках областнических интересов, более того, оно претендует на роль альтернативного центра литературных сил для всех остальных регионов страны.

Проанализировав статьи «Сибирских огней» за 2000-2017 гг. в ключе описания реалий Востока России, мы можем отметить многослойность пространственной картины Сибири, реализованной на страницах журнала. Авторы умело используют стереотипы о восточном регионе и реагируют на них. В таких текстах Сибирь предстает как пространство стихии и дикой природы, которая если не противостоит человеку, то оказывает серьезное влияние на формирование характеров и на образ жизни местных жителей. Одновременно с этим перед читателем разворачиваются картины сибирских реалий в литературе и повседневной жизни, спроецированные на антитезу центр-периферия. Здесь, с одной стороны, журнал актуализирует статус региона как колонии в наше время, с другой, преподносит отдаленность от центра как преимущество, дающее шанс сохранить истинный смысл человеческого бытия в духе концепции «естественного человека». Анализ

журнала как единого текста показал, что современные критики и публицисты часто рассматривают Сибирь в антитезе к остальной России как пространство открывающее перед человеком наибольший спектр возможностей. Место, где, как точно подметил автор «Сибирских огней», силы «естественно-природного течения бытия» [Якимова, 2009: 3], инициируемых самой Сибирью, создают условия для мощного духовного перерождения, и, как следствие, обретения подлинного смысла человеческой жизни.

Как можно заключить из анализа, приведённого в последнем параграфе научной работы, пространственно-территориальная компонента мировосприятия Сибири и осознание мифологизма самого образа территории занимает довольно большой пласт всей повестки дня «Сибирских огней» и объединяет, на первый взгляд, разрозненные материалы в единый текст, конструирующий на страницах журнала образ географической целостности Сибири как макрорегиона, что крайне сближает позицию издания с идеологией сибирского областного движения начала XX века, а так же с авторскими установками писателей «деревенской прозы», о которых мы упоминали во второй главе научной работы. Также стоит отметить, что собственную региональную идентичность журнал «Сибирские огни» журнал формирует за счет рефлексии литературного опыта региона, анализа современных явлений сибирской прозы и поэзии, а также закрепления за собой такой важной функции как сохранение и воспроизведение региональной самобытности в литературе и в культуре в целом.

Проделанная работа открывает перед исследователем ряд перспектив для более глубокого понимания литературных образов и идеологических концепций русского Востока, истории формирования ментальной карты современной России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь, 2000. 404 с.
2. Агеева Е.Ю. Феномен провинциальной культуры России в архитектурной среде XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. культурологии: 24.00.02. Н. Новгород, 1999. 120 с.
3. Азадовский М.К. Поэтика гиблого места // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 138-158.
4. Азадовский М.К. Сибирская литература. К истории постановки вопроса // Сибирский литературно-краеведческий сборник. Вып. 1. Иркутск Иркутское областное изд-во, 1928. С. 1-22.
5. Азадовский М.К. Очерки литературы и культуры Сибири. Иркутск: Иркутское областное изд-во, 1947. 203 с.
6. Аль-Дайни М.А. Манипулятивный характер идеологии в современной России: политико-психологический анализ: дис. ... канд. полит. наук: 19.00.12. М., 2012. 167 с.
7. Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX - начала XX века: Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 304 с.
8. Анисимов К.В. Типологические аспекты русской литературы Сибири // Литературные музеи Сибири и региональная литература: материалы региональной научно-практической конференции. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2007. С. 5-19.
9. Анисимов К.В. Парадигматика и синтагматика сибирского текста русской литературы (постановка проблемы) // Сибирский текст в русской культуре / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Вып. 2. Томск: Национальный исследовательский Томский гос. ун-т, 2007. С. 60-67.
10. Анисимов К.В, Разуvalова А.И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs. «деревенщики» // Вестник Томского гос. ун-та.

Филология. 2014. №1. С. 76-89.

11. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: НГУ, 2012. 276 с.

12. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М: Художественная лит-ра, 1975. 504 с.

13. Беленький И.Л. Роль географического фактора в отечественном историческом процессе: Аналитический обзор. М.: ИНИОН, 2000. 112 с.

14. Берязев В. Моя Ойкумена // Сибирские огни. 2000. № 3. С. 25-29.

15. Бовтун В.С. Культура и искусство Сибири (1970-1990). Барнаул: Изд-во Алт. техн. ун-та, 1996. 195 с.

16. Бовтун В.С. Культура региона: история, управление, проблемы развития: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. техн. ун-та, 1996. 207 с.

17. Бороноев А.О. «Сибирство» как форма территориальной идентичности // Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. СПб: Астерион, 2003. С. 10-16.

18. Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22-87.

19. Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства. СПб: Дмитрий Буланин, 1997. 154 с.

20. Ветохин Е.А. Развитие художественной жизни Сибири в контексте влияния сибирского областничества: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. Барнаул, 2008. 180 с.

21. Витовцев Н. Пётр Столыпин: «Сибирь как бы призвана сменить европейскую Россию...» // Сибирские огни. 2012. №12. С. 23-28.

22. Вичитикова А. Роль «толстых» журналов в современном русском литературном процессе // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 34-46.

23. Володихин Д. Сибирь неисчерпаемая // Сибирские огни. 2005. № 7. С. 5-13.

24. Вуд А. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее? // Расы и народы. 1997. № 24. 1998. С. 203-217.
25. Габдулова Н.Н. Культурное пространство провинциального города. Псков: ПГУ, 2007. 155 с.
26. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 323 с.
27. Гаретто Э. Путешествие в изгнание // Russian Literature. 2003. Т. 53. С. 173-180.
28. Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты: сб. научн. статей / под ред. Л.О. Зайонц. М.: Языки славянской культуры, 2004. 672 с.
29. Головинов А.В. Идеология сибирского областничества: синтез политической программы и культурной платформы // Вест. Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3. С 156-170.
30. Горбачева В.В. Культура и менталитет народов Сибири // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. СПб: Астерион, 2007. С. 290-322.
31. Горшенин А. Беседы о сибирской литературе. [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 1997. URL: <http://www.sibogni.ru/content/o-zhurnale-sibirskie-ogni> (дата обращения 1.04.2016).
32. Горшенин А.В. Литература и писатели Сибири: энциклопедическое издание. Новосибирск: РИЦ НПС СП России, 2010. 572 с.
33. Горшенин А.В. Лица сибирской литературы: очерки и эссе. Новосибирск: РИЦ НПС СП России, 2006. 360 с.
34. Горшенин А. «Гибельное золото Джунгарского ханства» // Сибирские огни. 2000. № 3. С. 12-19
35. Гудков Л. Амбиции и ресентимент идеологического провинциализма // Новое лит. обозрение. 1998. № 3. С. 353-371.
36. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1998. Т. 2. 699с.

37. Дарвин М.Н. Пушкин – циклизатор «Современника» // Дарвин М.Н., Тюпа В.И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2001. С. 269-281.

38. Дахин А.В. Российская провинциальная культура в контексте глобальной региональной стратификации: проблема социальной ценности «внутренних пространств»: дис. ... канд. философ. наук: 24.00.01. Н. Новгород, 2001. 170 с.

39. Дахин А.В., Распопов Н.П. Проблема региональной стратификации современной России // Полис. Политические исследования. 1998. № 4. С. 132-150.

40. Дедов Н. Об отношении к истории // Сибирские огни. 2000. № 2. С. 19–25.

41. Дильтей В. Предпосылки или условия сознания либо научного познания // Вопросы философии. 2001. № 9. С. 124-125.

42. Дмитриева Э.Я. Провинциальная ментальность и культурная самобытность // Провинциальная ментальность России в прошлом и настоящем. Самара: Изд-во Самар. Гос. пед. Унт-та, 1994. С. 27-39.

43. Ершов М.Ф. К социокультурному пониманию феномена провинции «Культура провинции» // Культура провинции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. С. 147-148.

44. Жеребцов Б.И. О сибирской литературной традиции // Сибирский лит.-краеведч. сб. Иркутск: Вост.-Сиб. Изд-во, 1928. С. 23-50.

45. Жигунова М. Этносоциология русских в Сибири: проблемы современной идентичности // Этносоциальные процессы в Сибири. Новосибирск: Сибирское отд-ние РАН, 1998. С. 191-195.

46. Зайнутдинов А.Э. Сибирское областничество как фактор формирования региональной идентичности // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе. Владимир: Влад. Юрид. ин-т, 2010. 168 с.

47. Зайнутдинов А.Э. Сибирское областничество: историко-социологический анализ: дис. ... канд. социологии: 22.00.01. СПб: Астерион, 2012. 125 с.
48. Зайонц Л.О. История слова и понятия «провинция» в русской культуре // *Russian Literature*. 2003. Т. 53. С. 307-330.
49. Зыкова Г.В. Проблема журнальной и книжной редакции русской прозы // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. М.: Издательский дом МГУ, 2003. №4. С. 108-119.
50. Иванов А. «Нормальный буржуазный писатель» // «Эксперт Урал». №40 (704). 2016. С. 4-6.
51. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри. Пенза: Б. и., 2004. 439 с.
52. Каган М.Л. Москва – Петербург – провинция: «двустолочность» России – ее историческая судьба и уникальный шанс // *Российская провинция*. 1993. № 1. С. 18-28.
53. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
54. Казаркин А. Сибирика литературоведческая // *Сибирская историческая энциклопедия в 3 т.* Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 3. С. 234-250.
55. Казаркин А.П. Вехи литературной жизни Томска // *Томские писатели: литературно-художественный сб.* Томск: Томское региональное отд. Союза писателей России, 2008. С. 56-63.
56. Канунова Ф.З. Проблема историзма в сибирской краеведческой критике 1810-1830-х гг. // *Сибирь. Литература. Критика. Журналистика*. Новосибирск: Наука, 2002. С. 65-76.
57. Ким С.Г. История ментальностей: основные характеристики // *Методологические и историографические вопросы исторической науки*. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. С. 22-28.
58. Коптелов А. Дни и годы (отрывки из книги, публикуемые

журналом в память о писателе) // Сибирские огни. 2000. № 4. С. 2–8.

59. Литературная критика в Сибири: сб. науч. трудов / под ред. Л.П. Якимовой. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

60. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 228 с.

61. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923-1939 гг. М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 622 с.

62. Мурзина И. Я. Культура Урала: очерки становления и развития региональной культуры: учеб. пособие для вузов в 2 ч. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2006. Ч.1. 225 с.

63. Мурзина И.Л. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2003. 142 с.

64. Огден Дж. А. Сибирь как хронотоп: создание Валентином Распутиным «пригодного» прошлого в «Сибирь, Сибирь...» // *Ab Imperio*. 2004. №2. С. 647-664.

65. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2004. 785 с.

66. Очерки русской литературы Сибири: сб. научн. трудов в 2 т. / под ред. Л. Якимовой. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1982. 606 с.

67. Панченко А.М., Успенский Б.А. Иван Грозный и Петр Великий: Концепции первого монарха // Из истории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т.П. Кн. 1. С. 457-478.

68. Папков С. «Голос отчаяния» // Сибирские огни. 2012. № 2. С. 34-45.

69. Плюхин В.И. Писательская критика Сибири: рецептивно-функциональные аспекты регионально-исторического самосознания: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2008. 120 с.

70. Постнов Ю.С. Русская литература Сибири первой половины XIX

в. Новосибирск: Наука, 1970. 404 с.

71. Постнов О.Г. Общественно-литературная деятельность декабристов как фактор развития общественного и литературного сознания Сибири // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Новосибирск: Наука, 2002. С. 45-66.

72. Потанин Г.Н. Признания областника // Сибирская жизнь. 1918. № 4. С. 1-6.

73. Потанин Н.Г. Нужды Сибири // Сибирь ее современное состояние и нужды. СПб: Астерион, 1908. С. 235-260.

74. Разуvalова А.И. «Взгляните на Сибирь!»: Трансформация регионализма в советской литературе (на материале журнала «Сибирские огни», 1920-е – середина 1950-х гг.) // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX-XXI веков. М.: Флинта, 2015. С. 77-96.

75. Сверкунова Н.В. Феномен сибиряка // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 91-102.

76. Селиванов В.В. У истоков сибирской неповторимости // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона: сб. научн. статей. СПб: Астерион, 2007. С. 23-45.

77. Серебренников Н.В. Проблемы и перспективы провинциальной литературы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2000. 85 с.

78. Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск: Томский Межрегиональный Институт Общественных наук, 2004. 307 с.

79. Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб: Астерион, 2002. С. 45–46.

80. Сибирская провинция и центр: культурное взаимодействие в XX в.: сб. науч. трудов. Новосибирск: Наука, 1997. С 246–258.

81. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / под ред. К.В. Анисимова. Красноярск: Изд-во

Сиб. федер. ун-т, 2010. 237 с.

82. Сибирский текст в русской культуре: сб. статей. / под ред. А.П. Казаркина, Н.В. Серебренникова. Вып. 2. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 270 с.

83. Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. С. 259-367.

84. Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири: сб. научн. статей. Новосибирск: Наука, 1989. 240 с.

85. Трусова З.Н. Вопросы колонизации и экономического освоения Сибири в «Историческом обозрении Сибири» П. А. Словцова // Русское население Поморья и Сибири. М.: Наука, 1973. 282-316.

86. Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учебное пособие. М.: Академия, 2009. 336 с.

87. Фоминых О.Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики // Время культуры в региональном пространстве: сб. науч. трудов. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2010. С. 74-84.

88. Чмыхало Б.А. Литературно-критическая борьба в сибирских изданиях начала XX века: учебное пособие по спецкурсу. Красноярск: Красноярский пед. институт, 1987. 79 с.

89. Шастина Т.П. Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской окраины // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2014. № 4. С. 158-172.

90. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск: Водолей, 1996. 256 с.

91. Шерстова Л.И. Областническая идеология: некоторые проблемы региональной идентичности // Областническая тенденция в русской философской и общественной мысли: к 150-летию сибирского

областничества: сб. статей / под. ред. А.В. Малинова. СПб: Астерион, 2010. С. 149-154.

92. Шкловский В.Б. Журнал как литературная форма // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. СПб: Астерион, 2000. С. 224–226.

93. Щукин М. Обращение к читателям [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2013. URL: <http://www.sibogni.ru> (дата обращения 1.04.2016).

94. Южалина Н.С. Провинциальное: типологические характеристики в социокультурном контексте // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. Вып. № 17. 2006. С. 184–197.

95. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.

96. Якимова Л.П. Критика и критики в Сибири // Критика и критики в литературном процессе Сибири XIX-XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, 1990. С 205–237 с.

97. Якимова Л.П. Многонациональная Сибирь в русской советской литературе / под ред. В. Г. Одинокова. Новосибирск: Наука, 1982. 229 с.

98. Якимова Л.П., Юдалевич Б.М. Сибирский очерк 20-70-е годы: литературная критика / под ред. В.Г. Одинокова. Новосибирск: Наука, 1983. 184 с.

99. Якимова Л. Мое сибирское богатство // Сибирские огни. 2009. №10. С. 1–9.

100. Якимова Л. «Фрегат “Паллада”» // Сибирские огни. 2012. №12. С. 2-7.

101. Якимова Л. Чехов и Мамин-Сибиряк: точки пересечения // Сибирские огни. 2010. № 7. С. 34-40

102. Клюге Р.-Д. Сибирь как культурная и литературная провинция // Сибирь. Литература. Критика. Журналистика / под ред. Л. П. Якимовой. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. С. 214-253.

103. Яранцев В. Краткая история долгого пути // Сибирские огни. 2012. № 10. С. 12-22.

104. Яранцев В. Литература Сибири или сибирская литература? // Сибирские огни. 2013. № 11. С. 6-12.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РЯЛиРК
И.В. Евсева
2017г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ЖУРНАЛ «СИБИРСКИЕ ОГНИ» В ЗЕРКАЛЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО РЕГИОНАЛИЗМА (НОВЕЙШИЙ
ПЕРИОД)**

45.04.01 Филология
45.04.01.02 Русская литература

Магистрант

У.А. Анохина

Научный руководитель

д-р филол.наук, проф.

К.В. Анисимов

Нормоконтролер

Н.П. Булахова

Красноярск 2017